

РУССКАЯ РЕЧЬ В УДМУРТИИ

Ижевск 2008

Федеральное агентство по образованию
ГОУВПО “Удмуртский государственный университет”
Филологический факультет

РУССКАЯ РЕЧЬ В УДМУРТИИ

Межвузовский сборник статей

Выпуск 2

Материалы заочной межвузовской конференции,
посвященной празднованию
450-летия добровольного вхождения Удмуртии
в состав Российской Федерации

Ижевск 2008

ББК 81.2Р
Р 88

Печатается по решению ректората Удмуртского государственного университета

Редакторы:

доктор филологических наук профессор С. Г. Шейдаева,
кандидат филологических наук доцент Н. И. Чиркова

Русская речь в Удмуртии: Межвуз. сб. ст. Выпуск 2:
Материалы заочной межвуз. конф., посвященной празднованию 450-летия добровольного вхождения Удмуртии в состав РФ. Ижевск, 2008. 118 с.

В сборник включены доклады, представленные в адрес оргкомитета заочной межвузовской конференции, посвященной празднованию 450-летия добровольного вхождения Удмуртии в состав Российской Федерации, состоявшейся 12 - 13 сентября 2008 года в Удмуртском государственном университете. Данный сборник представляет собой продолжение издания работ, выполненных на материале русской речи, звучащей на территории Удмуртской Республики. Первый выпуск (2004 г.) был посвящен памяти Н.А. Прокуровской, автора монографического исследования особенностей русской речи жителей города Ижевска.

Подготовка и издание серии сборников “Русская речь в Удмуртии” осуществляется в рамках научно-исследовательского направления “Функционально-коммуникативный анализ русской речи” кафедры теории языка и речевой коммуникации филологического факультета УдГУ (проф. С.Г. Шейдаева, проф. М.Г. Милютин, доц. Н.И. Чиркова и другие). Исследования в области речевой коммуникации являются весьма актуальными в связи с переходом современной лингвистики от структурной модели языка к модели коммуникативно-функциональной.

ББК 81.2Р

© Удмуртский государственный университет, 2008

СОДЕРЖАНИЕ

1. Социальные варианты русской речи

- Шейдаева С. Г. *История изучения русских социолектов филологами Удмуртского государственного университета* 3
- Торохова Е. А. *К вопросу о существовании уральского регионального варианта русского литературного языка* 21

2. Язык города

- Каракулова М. К. *Наброски к языковому портрету города Глазова* 27
- Долганова А. Ю. *К вопросу о суггестивности названий коммерческих предприятий* 45

3. Региональная ономастика

- Шейдаева С. Г. *Семейная традиция выбора личных имен (по материалам метрических книг Свято-Троицкой церкви села Бемыж)* 54
- Чучкова О. В. *Состав и мотивированность личных имен жителей села Бемыж Кизнерского района* 58
- Вараева Д. А. *Концепт “семья” как составляющая русской языковой картины мира (на материале романа П. И. Мельникова-Печерского “В лесах”)* 65
- Данилова Н. Н. *Отражение мировосприятия жителей деревни Кукуи Воткинского района в семантике микропонимов* 71
- Максимова М. Н. *Духовный мир жителей поселка Балезино по данным зоонимической лексики* 73
- Туканова М. А. *Студенческий именник в диахронии* 76
- Масленникова Е. А. *Индустрия прозвищ (на материале прозвищных наименований жителей Удмуртии)* 90

4. Лингвистическая экспертиза

- Милютин М. Г. *Лингвистическая экспертиза текста (проблемы и результаты)* 103
- Чиркова Н. И. *Лингвистическая экспертиза выражения оценки события* 112

1.

Социальные варианты русской речи

С. Г. Шейдаева

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ РУССКИХ СОЦИОЛЕКТОВ ФИЛОЛОГАМИ

УДМУРТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

В сложной системе национального русского языка **социальные диалекты** (социолекты) представляют собой сложные автономные подсистемы, наиболее подверженные непрерывной изменчивости. Они обеспечивают взаимопонимание между людьми в их повседневной жизни и создают высокую комфортность самого процесса речевого общения. Все социолекты равноценны в коммуникации, и их оценка определяется уместностью и эффективностью использования в конкретной ситуации (повседневное общение, трудовое, бытовое, семейное и т.д.). Примерами социолектов могут служить особенности устной речи людей, связанных какой-либо профессией, студенческий сленг, солдатский жаргон и другие. **Социолект** - это любое социально ограниченное языковое образование в пределах национального языка (в узком понимании термин "социолект" - синоним жаргона).

Каждый национальный язык - весьма неоднородное явление, как и говорящий на нём коллектив. Он состоит из разных форм речи (форм существования, подсистем), которые различаются территориально и социально. **Национальный язык** - это язык определённой нации в совокупности всех форм его существования от литературного языка до территориальных и социальных диалектов.

Формы национального языка - это достаточные для коммуникации разновидности языка: *литературный язык, территориальные диалекты, социальные диалекты, просторечие* и др. Они различаются сферами употребления, составом языковых

средств, социальным статусом, но все доступны пониманию в пределах данного языка.

Доминирующее положение в системе национального языка занимает **литературный язык**. Он противопоставит всем другим подсистемам как форма общенациональная, характеризуется широтой применения, широкой социальной базой. Воздействие социальных факторов в большей мере наблюдается в устной сфере использования литературного языка - разговорной речи, в то время как в письменной сфере речь регламентируется нормой. **Разговорная речь** есть непринужденная устная речь людей, владеющих литературным языком. Это самостоятельная система внутри общей системы литературного языка, со своим набором единиц и правилами их сочетания. Городская народно-разговорная речь осознаётся в настоящее время (см. работы лингвистов Омского ГУ) в качестве ядра региональной языковой системы.

Современные литературные языки локально и социально варьируются, что является результатом неоднородности коллектива говорящих. **Региональное варьирование** литературного языка зависит от географических, этнических и других факторов. Оказывают воздействие также возрастные и профессиональные особенности речи говорящих, различия, связанные со степенью культуры и образования. Система образования в России ориентирована на нормативный литературный язык, однако речевая практика его использования обнаруживает более или менее значительные отклонения от нормы в разных регионах страны. Литературный язык испытывает в процессе своего функционирования значительное воздействие других форм существования языка. Первое и пока единственное исследование регионального варианта русского литературного языка, функционирующего на территории Удмуртии, было проведено Е. А. Тороховой и представлено в ее кандидатской диссертации, защищенной в 2005 г. [Торохова 2005]. Она сделала вывод, что данный региональный вариант языка включает в себя много диалектизмов и просторечных единиц.

Источником формирования **социальных разновидностей** языка является наличие субкультур в обществе, которые всегда развивают свои языковые подсистемы для укрепления

внутренней солидарности между членами. Социолекты, как проявления субкультуры, отражают жизнь определенных социальных групп, позволяют передавать смыслы, понятные лишь данной группе. Лексику социолектов лучше знают и чаще употребляют мужчины, использование социолектизм (жаргонизмов) характеризует мужской тип речевого поведения.

В русском языкознании наиболее известна следующая **классификация социальных диалектов**: профессиональные “языки”, групповые (корпоративные) жаргоны, условные языки, жаргон (арго) уголовного мира. Некоторые ученые в отдельную группу выделяют сленг (как промежуточное звено между жаргонно-арготической сферой и общим просторечием). Любой социолект делится на подвиды, а те, в свою очередь, также могут иметь подразделы.

Сейчас усилился интерес именно к нелитературным пластам - и не только в русском языкознании. Связано это с тем, что развитие языка в этой сфере не сдерживается закрепленными нормами, и для получения объективного и целостного представления о современном языке нельзя ограничиваться рамками только литературного языка.

Номинативные процессы в социолектах непосредственно взаимодействуют с прагматическими факторами, а ведущим семантическим признаком номинативных единиц является их экспрессивность, сами же они в большинстве своем относятся к разряду вторичных наименований. Социолектизмы - это вербальное отражение образа жизни, особенностей устоявшихся в данной коммуникативной среде традиций. Они появляются и существуют на периферии лексической системы языка, но имеют центростремительную тенденцию и могут приближаться к центру. Их основные функции: номинативная, интегрирующая, экспрессивная, в некоторых жаргонах - конспиративная и опознавательная.

1980-е: “Задвинем пару, пойдём в кино!”

Изучение региональной русской речи позволяет исследовать живую жизнь языка, изменяющуюся во времени и про-

странстве. Первое исследование, посвященное описанию социального варианта русского языка, бытующего на территории Удмуртии, было написано в 1985 г. под руководством Н. А. Прокуровской - это дипломная работа С. В. Ардашевой "Студенческий жаргон" [Ардашева 1985]. Дипломница отмечала, что жаргонная лексика в речи студентов филологического факультета УдГУ и вуза в целом употребляется довольно широко, а ее использование зависит от ситуации и типа общения. В приложении к работе имеется словарь из 188 единиц номинации.

Вот некоторые студенческие фразы середины 80-х гг. XX в.: "Задвинем пару, пойдем в кино" (пропустим занятие), "Вчера зачет по немецкому *свалил*" (сдал), "Всё равно по *спецухе* автомат получим" (по специализации), "Не знаешь, когда *стипу* принесут?" (стипендию), "Сколько у вас *невручёнок* осталось?" (невручённых комсомольских билетов), "А *мелочёвка* все приходили?" (члены малочисленных комсомольских организаций), "Подожди меня, я только добегу до *профилаги*" (профилактория), "Вчера наши в *общаге гудели*" (в общежитии веселились), "Надо как следует *рюкзаки набить*" (поесть), "Я иду, а он не *бреет*" (не замечает), "*Подрулил* вчера ко мне какой-то" (подошёл), "Пошли за шубой, а то в 203-ей *дубак!*" (сильный холод).

Отдельные студенческие словечки восьмидесятых: учиться - *трубить*; понимать - *врубаться*; шпаргалка - *шпора*, *бомбочка*; списать - *сдуть*, *слизать*, *скатать*, *содрать*, *сфотографировать*; оценка "удовлетворительно" - *удочка*, *уд*, *удав*, *крыжик*, *трёшка*; "неудовлетворительно" - *шайба*; декан - *папа*; стипендия - *стипа*, *стёпа*, *стипуха*; диплом - *корочки*; факультет - *фак*. Деканом в те годы действительно был "папа" - Анатолий Петрович Королёв.

Студенты 1990-х: "Похавать бы, девочки!"

Позднее студенческий жаргон редко становился объектом специального изучения. Можно назвать, к сожалению, всего лишь две дипломные работы студентов филологического фа-

культета, защищенные до настоящего времени, предметом исследования которых явился студенческий жаргон: Е. С. Викуловой “Проблемы внутренней формы окказиональной лексики (на примере речи молодежи)” [Викулова 1991] - частично фиксирующей речь студентов УдГУ, и Е. В. Борисевич “Место жаргонной лексики в речи молодежи”, выполненной на речевом материале, записанном в г. Чайковском Пермской области [Борисевич 2002]. И это несмотря на то, что студенческая речь, казалось бы, всегда “под рукой” у исследователей и представлена жаргонами студентов разных вузов и разных специальностей. Так, например, в учебно-методическом пособии “Основы социолингвистики” [Основы социолингвистики 2001] в приложении был дан образец жаргона студентов “спортфака”: *спортяги*, *спиртяги* (спортсмены), *пльвуны* (пловцы), *скороход*, *доходяга* (занимающийся спортивной ходьбой), *киллер* (биатлонист), *колёса*, *коры* (кроссовки), *бумеранги* (носки), *чепчик* (плавательная шапочка), *комбез* (лыжный комбинезон), *конь педальный* (велосипед), *подруга* (винтовка биатлониста) и др.

В молодежном жаргоне происходит очень быстрая смена лексики, и то, что не было зафиксировано ранее, сейчас уже практически не восстановить, а значит и не провести полноценного изучения студенческой речи в истории ее существования. Жаргонизмы недолговечны, от частого использования в речи их образность стирается и слова выходят из употребления.

В работе Е. Викуловой в центре внимания находилась проблема мотивированности жаргонных номинативных единиц. Вот некоторые студенческие фразы, зафиксированные в данном исследовании: “Я сегодня точно *пролечу* с зачетом”, “В *универе* одни *пепельницы* учатся” (курящие девушки), “Я вчера ведь по зарубежке *чикнулся*” (не сдал), “Слава богу, *зарубежку скнули*”, “*Смызни* быстрее, пока не *накостыляли*”, “Сидим это мы вчера, *квасим*, никому не мешаем”, “Ладно, девочки, *пошкандыбала* я восвоюсь”, “Этот *чувак* не из нашей *тусовки*”, “В какой, говоришь, он *фазанке* учится?” (ПТУ), “*Похавать* бы чего-нибудь, девочки”. Отдельные номинации: *сдуть*, *скатать*, *слизать* (списать), *тошиловка* (столовая), *портянка* (транспортные абонементные талоны), *попрошайка* (контролер), *про-*

скользяй (проездной билет), *урюк* (южанин). Как видим по контекстам, в основном записывалась речь девушек-студенток.

В работе Е. Борисевич (2002) отражена речь молодежных “тусовок” в г. Чайковском. Записывались микродиалоги в речи студентов Пермского педагогического и технического институтов, Чайковского института физкультуры, Чайковского педучилища и др.

Приведем основные фразы, отражающие учебу и досуг студентов: *загасить* вышку (пропустить лекцию по высшей математике), “В библиотеке, что ли, *тусануться?*”, “*Ершей* по полной *преподы* гоняют” (студентов младших курсов), “В *книгоубежище* одни ерши” (библиотеке), “Да *забей* ты на институт” (брось, забудь), “Я на всё *бомбы* приготовил” (шпаргалки), “Вот дерьмо! Незачет! Вот я *встрял!*”, “По инъязу я *автоматом* прошел”, “Хватит *лечить*, мозги парятся” (объяснять), “Один *лох* весь мой *комп* угробил”, “Кто в *наборе* будет?” (в компании), “*Стебались* над погонялом Гвоздя” (насмехались), “По *скелету* удак поставили” (по анатомии), “Он *спалился* со своими *шпорами*”, “На теории легче: *упры* бестолковку не захламляют” (упражнения), “*Тандемно* осилили лабу” (вдвоем). Явно прослеживается большая грубость жаргонных выражений по сравнению с записями студенческой речи на филологическом факультете УдГУ.

Названия студентов различных учебных заведений: *медики, педики, спортсмены, качки, юные вышибалы; юрики, технари, экономы*. Названия факультетов: *филон* (филологический), *псифактор* (педагогико-психологический), *техмат* (технический).

Студенты - 2008: “Забьем на лекцию, пойдем в читалку!”

Проведенное нами в марте 2008 г. пробное анкетирование группы студентов второго курса филфака УдГУ (19 человек) выявило показательные факты как сохранения студенческой лексики 80-х гг., так и ее изменения, явно связанные с изменением ситуации в стране и в студенческом быту. Например, если в восьмидесятых о пропущенной лекции говорили “*задви-*

нуть пару”, то четверть века спустя наряду с сохранением данного выражения (2 ответа) более активно используется фраза “забьём на лекцию” (10 ответов): различие в степени экспрессивности. В 80-х подобного рода фразы обычно завершались словами “пойдем в кино”, а в 2008-м году, когда кино давно стало неактуальным, студенты дали такие ответы: “пойдем тусить” (5), “по магазинам” (3), “в читалку” (2), “в столовку” (2), “куда-нибудь забуримся” (1), “в общагу” (1), “гулять” (1), “пить водочку” (юноша). Как видим, диапазон возможностей расширился, а сами студенты при этом проявляют больше индивидуальности: если большинство предпочитает “тусить”, то двое всё же “забивают на лекцию”, чтобы идти в “читалку”.

Ещё одно наблюдение: о сдаче задолженностей в 80-х говорили обычно как о сданных “хвостах”. В наши дни само слово “хвост” в этом значении сохранилось, но изменилась его сочетаемость. Если ранее оно связывалось лишь с глаголом “сдать”, то сейчас вариаций несколько: хвосты можно *подобрать* (1), *подтянуть* (1), *обрубить* (1), *подчистить* (3), *заккрыть* (2), *избавиться* от них (1). Обратим внимание и на случаи утраты внутренней формы номинации “хвост” (о чем свидетельствуют сочетания с глаголами *подчистить* и *заккрыть*), и на случаи ее оживления (“хвосты подобрала”, “хвосты подтянула”). Всё это факты отдаления номинативной единицы от ее первичного образования: прозрачная внутренняя форма на начальном этапе, забвение ее на втором и оживление - на третьем.

Отметим ещё некоторые современные словоупотребления в речи студентов филологического факультета УдГУ: усердно учиться - *ботанить*, слишком усердный студент - *ботаник*, студенческий билет - *студень*, коллоквиум - *колобок*, преподаватель - *препод*, курсовая работа - *курсовик*, государственный экзамен - *госник*, ходить по клубам - *клубиться* (записано Д. Вараевой в 2007 г). И ещё одно новообразование последних лет появилось в речи филфаковцев (не всем пока известное): читать лекцию - *бодуэнить*, скучная лекция - *бодуэновщина*. Можно с большой долей уверенности утверждать, что родилось оно в речи первокурсников, которые впервые услышали имя известного лингвиста И. А. Бодуэна де Куртенэ, неоднократно повторяемое преподавателями в разных курсах лекций.

Итак, к настоящему времени жаргон студентов Удмуртского университета всё еще не получил своего полного описания. Даже в монографии Н.А.Прокуровской “Город в зеркале своего языка” в разделе “Основные тенденции в номинативной системе современного молодежного жаргона” совсем нет сведений о нем [Прокуровская 1996].

Однако это живое средство молодежного общения, как бы к нему ни относились, функционирует, изменяясь вместе со временем, а значит материал для его исследования не иссякает. Кроме того, студенты вузов, как наиболее мобильная часть современной молодежи, нередко являются носителями не только студенческого сленга, но и других социолектов. Например, студентка Н. Облакова в 2007 г. сообщила нам о следующих специфических наименованиях, использовавшихся во всероссийском лагере отдыха “Орлёнок”: рубашка с нашивкой в виде огонька - *костерок*, шорты песочного цвета - *песочки*, форма цвета морской волны - *морволна* (“*Я сегодня в песочках, морволна за ночь не высохла*”), футболка с символикой российского флага - *триколор*, полная парадная форма - *парадка*, галаконцерт - *галка*, репетиция - *репа*, административный корпус - *админка*, вожатские домики - *гнездо*, укладывать детей спать - *отбивать* (от слова “отбой”) и некот. др.

Фазаны: “Всё стрескали в две хари”

Особой сферой бытования молодежного жаргона являются средние и средне-специальные учебные заведения, где носители жаргонной речи - более молодые люди, по сравнению со студентами вузов. Жаргон учащихся средних специальных заведений был предметом специального изучения в дипломной работе Е. А. Коньшевой “Жаргонная лексика в речи учащихся политехнического лицея” [Коньшева 2002]. Автор работы - студентка заочного отделения филфака - работала мастером производственного обучения в ижевском политехническом лицее № 13; жаргонный материал записывался в 1998-99 гг. в речи 17-18-летних учащихся, осваивавших профессию “оператор ЭВМ”.

Всего было собрано 669 единиц, из которых 38% - слова обще-молодежного жаргона, 34% - жаргонизмы данного лица, остальная лексика - 6,5% арго, 4,4% школьный жаргон, 3,6% компьютерный сленг и некот. др.

Приведем отдельные высказывания: “А тетрадки по *специхе* проверили?” (по спецтехнологии), “Он ведь у нас *ботаник*, умнее всех!”, “Да ты лучше у *букваря* спроси, я в том деле не *рублю*” (оба слова обозначают усердного ученика), “Ну всё, всё *загрузил!*” (озадачил), “А он вчера *физру задвинул*” (пропустил), “Я *студень* потерял” (студенческий билет), “А со стипухой нас сегодня кинули” (не дали стипендию), “Он опять где-то *шифруется*” (скрывается), “*Клёво оттянулись на зависалове*”, “А не *хило* вчера *отвисли*” (хорошо отдохнули), “Сколько там на *котлах?*” (на часах), “Тебя кто просил в базар *впрягаться?*” (в разговор вмешиваться), “И вы это всё *стрескали в две хари?*” (съели вдвоем), “Не, ну ты осознаёшь, что это *косяк?*” (плохой поступок), “Я покурила, а *предки запалили*” (родители застали врасплох).

Отдельные номинации: *Фаза, фазаны, фазанки* - лицей, лицеисты, лицеистки (“фаза” - от ФЗУ “фабрично-заводское училище”, так раньше называлось ПТУ, сейчас именуемое политехническим лицеем). *Шпаргалки* - *бомбы, шпоры* (бомба - “На ней можно легко подорваться”).

Школьники: “Дискотека - полный отстой”

Речь ижевских школьников также несколько раз становилась предметом особого изучения. Первая дипломная работа была написана ещё в 1979 г. Леконцевой-Борзовой: “Особенности языка школьников-старшеклассников” (научный руководитель Т. Г. Стерхова) [Леконцева-Борзова 1979]. В 1992 г. была защищена дипломная Е. В. Хасановой “Особенности образования названий лиц в речи школьников” (научный руководитель С. Г. Шейдаева) [Хасанова 1992], в 2001 - дипломная В. А. Булдаковой “Жаргонная лексика в речи современного подростка” (научный руководитель О. А. Фрум) [Булдакова 2001].

В. А. Булдакова в 1998-2001 гг. записывала жаргонную речь ижевских школьников 8 - 11 классов. Вот некоторые фразы из ее дипломной работы: “Ты садись на *камчатку*, там *шпоры* можно достать и всё *скатать*”, “Мы вчера всей *бригадой* зависли у нашего *кореша* на *хате*” (обе фразы из речи 15-летнего юноши); “Наташка вчера *отпадно* выглядела”, “Дискотека вчера была полным *отстоем*” (из речи девочки 14-ти лет). Приведем еще отдельные номинации: прилежный ученик - *букварь*, джинсы - *джины*, куртка - *шкура*, компьютер - *комтик*, страшно - *палево*. В дипломной работе особо выделены характерные для школьной речи ряды отглагольных имен: *облом*, *отмаз*, *отпад*, *отстой*, *прикид*, *прикол*, *напряг* и др.

Как уже видно из рассмотренного материала, основная часть лексики любой разновидности молодежного жаргона - будь то студенческий сленг, заметно арготизированный жаргон учащихся спецтехникумов или детско-подростковый школьный жаргон - является общей для всех этих языковых образований. Молодые люди, закончив обучение и входя в трудовой коллектив, переносят молодежный жаргон в производственную сферу, и он еще долгое время используется в коммуникации. Проиллюстрируем это одним примером из речи работника милиции, в недавнем прошлом студента исторического факультета УдГУ (разговаривает со своей бабушкой, которая его недопонимает): - Скоро получу майора, если не будет *косяков*. - Чего не будет? - Если не будет *залётов*. - Чего? - Ну, если не будет проблем (Ижевск, 2008 г.).

Сопоставляя жаргонную лексику разных по своему составу и деятельности молодежных групп, можно обнаружить, в частности, не одинаковый уровень экспрессии и огрубленности, что объясняется, на наш взгляд, близостью того или иного социолекта к одной из других форм существования русского языка - к городскому просторечию (УдГУ, 80-е и 90-е гг), к арго (г. Чайковский), к общему сленгу (УдГУ, 2008), к разговорной речи (всероссийский лагерь “Орленок”). Жаргон - не изолированное явление существующее само по себе, он возникает и развивается внутри национального русского языка, активно взаимодействуя со всеми другими его подсистемами.

Современные исследователи отмечают, что старые традиционные выводы некоторых специалистов по культуре речи о лексической убогости и исключительно грубой образности современного молодежного языка являются не вполне точными. Многие факты убеждают в том, что лингвистическая компетенция современного носителя жаргона предполагает еще и достаточно развитое языковое чутье. А наиболее активной в современном словаре молодежной речи является усиливающаяся “интеллектуализация” и всё больший отход от криминально-вульгарной направленности.

Итак, в целом молодежный жаргон нашего региона (во всех его разновидностях), как явление молодежной субкультуры, еще ждет своего описания.

Профессиональные “языки”, бытующие на территории Удмуртии, исследовались несколько интенсивнее. Нам известно о восьми дипломных работах и нескольких статьях, так или иначе связанных с описанием лексических единиц профессионально-тематической направленности.

Одной из первых работ можно было бы назвать дипломную работу Н. В. Чураковой “Наименование лиц по профессии и роду деятельности в речи жителей г. Ижевска” (руководитель Н. А. Прокуровская) [Чуракова 1989], хотя лексика, представленная здесь (135 слов), отражает не столько профессиональные языки, сколько ижевское просторечие и разговорную речь (водитель автобуса - *автобусник*, шофер - *водила*, продавец арбузов - *арбузник*, студенты Ижевской сельскохозяйственной академии - *ботва* и др.). Следующая по времени - дипломная работа С. Н. Политова “Солдатский жаргон” (руководитель Н. А. Прокуровская) [Политов 1990], но и в ней еще не найдем описания жаргона, зафиксированного в Удмуртии. Здесь, скорее всего, отражена лексика, освоенная самим студентом во время службы в армии и извлеченная из разных словарей (сравн., например, фиксация целого ряда разнородных наименований молодого солдата - *бич*, *огурец*, *салабон*, *сын*). А вот дипломная работа Г. Ф. Назмеевой “Речь комсомольских работников г. Ижевска” (руководитель Н. А. Прокуровская) [Назмеева 1992] - это уже полноценное исследование одного из специфических жаргонов.

Не случайно материал данной работы был частично включён Прокуровской в ее статью “К проблеме “правда” и “ложь” в языке советской эпохи” [Прокуровская 1993].

В любом языке профессиональная лексика возникает в результате взаимодействия самого языка с таким социальным фактором, как профессиональное членение общества. Профессиональными “языками” называют средства общения для специальных целей, которые помогают специалистам понять друг друга. Лексика профессиональной речи в целом неоднородна по своему составу, в нее входят и научные термины, и профессионализмы - аналоги терминов, которые используются в устной речи, они устойчивы, регулярно воспроизводимы в условиях производственного процесса.

Среди профессионализмов особо выделяются **профессиональные жаргонизмы**. Они функционируют исключительно в устной коммуникации, испытывая влияние со стороны просторечия, территориальных диалектов, других социолектов. Их использование связано не только с профессией, но и с социальным статусом говорящих. Это неcodифицированные, эмоционально окрашенные, неустойчивые единицы, которым свойственна повышенная экспрессивность и образность. По своему происхождению профжаргонизмы чаще всего являются результатами метафорического переноса бытовой лексики на специальные понятия.

В целом, профжаргон - это речь специалистов в неофициальной обстановке на профессиональные темы. Носители - люди, владеющие данной профессией в течение длительного времени.

*Комсомольские работники 80-х:
“После проверки нашивость он пошёл винтом”*

Итак, первым из профессиональных языков в Ижевске исследовался профжаргон комсомольских работников. Этот социолект не является, конечно, типичным образцом профессиональной речи, поскольку собственно “работа” в данной сфере сводится к организационно-идеологическим действиям.

Языковой материал записывался Г. Ф. Назмеевой еще в 1988 г., это были фиксации от руки, вопросники, видеозаписи конференций. Всего в эксперименте участвовали 26 человек, с высшим образованием, 26-36 лет, со стажем работы 5-10 лет. Как и любое социальное и профессиональное образование, эта группа имеет свой круг слов и выражений, тесно связанных с ее деятельностью. Особенно частотными оказались слова, прямо относящиеся к профессиональной работе и, по сути, еще не являющиеся собственно жаргонизмами (*комсомолец, комсомольский билет, учетная карточка, райком, секретариат, аппарат* и мн. др.). Делается вывод об изобилии военных метафор: “*активная наступательная позиция комитетов комсомола*”, “*непримиримая борьба с буржуазной идеологией*”, “*настоящие бойцы партии*” и др. Всё это роднит данную речь с партийным жаргоном.

Жаргонизмы комсомольских работников: *кит* - секретарь комитета комсомола крупного предприятия, *индус* - работник Индустриального райкома комсомола, *тошки* - работники, занимающиеся трудовыми объединениями школьников, *комбюрошники* - члены комсомольского бюро, *ссошники* - руководители студенческих стройотрядов, *мамка у плиты* - секретарша в приемной секретаря комитета комсомола, и ряд других. Обычной принадлежностью речи комсомольских работников являются фразеологизмы - как образованные в данной сфере, так и общенародные, но семантически трансформированные: *упереться рогами* - “выполнять какое-либо задание вышестоящих органов”, *рвать тельняшку* - “выслуживаться перед начальством”, *проверка на вишвость* - “проверка вышестоящих организаций”, *пошел винтом* - “сделал головокружительную карьеру”, *поставить в торец* (стола) - “вызвать на заседание бюро”, *пустить соплю* - “покаяться на заседании бюро”, *ушел в массы* - “освобожден от занимаемой должности”, *зимне-стойловый период* - “затишье в работе” (выражение работников штаба студенческих отрядов). Как видим, большинство номинаций связано с иерархическими отношениями, пропагандистской работой и работой с документами.

В 2001-2006 гг были защищены уже целых четыре дипломных работы, материалом для которых стали подлинные “языки” профессионалов, бытующие на территории Удмуртии. Это работы М. Сухих “Профессиональная лексика сарапульских предпринимателей” [Сухих 2001], Э. Салимгареева “Лексические особенности речи работников городского рынка” [Салимгареев 2002], М. Алексеевой “Профессиональный жаргон работников автосервиса (система и функционирование)” [Алексеева 2006] и И. Макаровой “Профессиональный жаргон сталеваров” [Макарова 2006]. Добавим к этому еще и курсовую работу Н. Гуляевой “Профессиональный жаргон сотрудников милиции г. Ижевска” [Гуляева 2003].

Работы М. Сухих и Э. Салимгареева, близкие по исследуемому материалу, были обобщены и результаты опубликованы в первом выпуске сборника “Русская речь в Удмуртии” в статье “Профессиональный жаргон в сфере торговли” [Шейдаева 2004]. Данная публикация послужила в том же году основой для газетной статьи “Торговый междусобойчик” (“Инфо-Панорама” № 30 от 22 июля 2004 г.), которую подготовила Р. Мельникова [“Торговый междусобойчик 2004”].

Сталевар: “Металл сливали через рыло”

Предметом исследования И. Макаровой стала профессиональная устная речь работников сталелитейного цеха № 130 ОАО “Буммаш”. Всего было собрано 293 единицы номинации (из них 46% - нейтральных). Было выявлено, что общий профжаргон сталеваров подразделяется на подязыки (поджаргоны), соответствующие речи работников разных участков производства, причем на каждом из них с различной степенью частотности используются и единицы других поджаргонов, и общежаргонные слова, и просторечие.

Основные тематические группы следующие: орудия труда, материалы, производственные процессы, названия людей по профессии, продукты труда и отходы производства. Некоторые примеры: *буржуйка, печка, печь, самовар* - дуговая сталеплавильная электропечь; *дыра* - выпускное окно электропечи;

горошок - сталеразливочный ковш; *рыло* - носок сталеразливочного ковша; *рюмка, чаша* - шлаковня; *горошки, какашки, кремний* - ферросилиций с содержанием углерода 0,75%; *бренчать* - звонить в колокол; *раздеть* - извлечь слиток из оснастки; *макнуть* - измерить температуру металла термопарой погружения; *бегун, марафонец, спринтер* - четвертый подручный сталевара; *кашевар* - сталевар; *искромёт* - газосварщик; *водяной* - сантехник; *маслопузый* - слесарь; *мошенник* - механик; *филин* - охранник; *чугунок* - работник чугунолитейного цеха; *фасонка* - фасонное литьё; *воротник, юбочка* - заусенец на отливке или штамповке.

Приведем отдельные фразы: “Куда *масолузий* потерялся? Опять печку ломать ушел?”, “Что-то *чугунки* не к добру забегали. Может, авария произошла?” “Давай *горошков* пару лопат закинем в печь. В химии кремния мало.”, “Пойду *бороду* с ковша обрежу.”, “Зови сварщика, надо слиткам хвосты поотрезать.”, “Когда же *водяной* придет? У нас тут скоро потоп начнется.”, “Сейчас *подуем* еще немного, потом *кипеть* будем.”, “Пора *раздевать* канаву.”, “*Стакан* в ковше затянуло, поэтому металл сливали через *рыло*.”.

Автослесарь: “Слепого я уже починил”

В дипломной работе М. Алексеевой был описан профессиональный жаргон работников ижевского автосервиса, материал по которому собирался в 2002-06 гг. методом прямого опроса и включённого наблюдения (возраст носителей профжаргона от 32 до 45 лет, опыт работы - более пяти лет). Основные тематические группы лексики: названия деталей и комплектующих, машин разных марок, расходных материалов, названия лиц (всего было собрано 311 единиц). Примеры: *двигло, двиган, двигун, движок* - названия двигателя; *кандей, кондишн* - кондиционер; *туманки* - противотуманные фары; *вантуз, джойстик, кочерыжка* - рычаг переключения передач механической коробки.

Как и в других профессиональных жаргонах, большое место здесь занимают метафорические наименования: *гранаты* (шарниры равноугловых скоростей), *мосол* (амортизатор), *шта-*

ны (раздвоенная приемная труба глушителя), *лягушка* (мембрана ускорительного насоса), *зонтик* (противоугонное устройство), *браслет* (игольчатый подшипник), *веревка*, *галстук* (буксировочный трос), *кастрюля* (корпус воздушного фильтра), *лифчик* (чехол-утеплитель на решетку радиатора) и многие другие.

Примеры в контексте: “Слепого я уже починил” (автомобиль с разбитыми фарами). “Вот широкие спортивные *лапти* приделал” (широкие шины). “Да тут всё *на флажках*” (некачественное соединение проводов, прикрытое флагообразным кусочком изолянта). “Не забывай проверять *стопы*” (педали). Устойчивые выражения: “*встать на уши*” (перевернуть автомобиль на крышу), “*сделать тапок в пол*” (резкий разгон и торможение).

Жаргонные названия автомобилей записывались и другими студентами - в г. Можге (см примеры [Основы социолингвистики 2001: 19]) и в г. Воткинске в 2001 г.: *буханка*, *головастик* - УАЗ, *тазик* (“как перевернутый таз”) - Москвич, *жучка* - Жигули, *выкидыши* - Ока, *котомка* - ИЖ 2715. Следующая фраза была услышана нами в Ижевске: “Аварию вчера видел: “*Котомка*” с “*девяткой*” на Удмуртской врезались”(имеется в виду улица Удмуртская).

Милиционер: “Они сидят в обезьяннике в ларьке”

Студентка Н. Гуляева наблюдала речь семи сотрудников милиции Ижевска в 2002-03 гг. (24-28 лет, высшее образование, стаж работы 1-7 лет, Устиновский РОВД). Основные тематические группы лексики: воинские звания, отделы МВД, должности, преступления, принудительные меры, оперативные мероприятия, документы, оружие и др.

Приведём отдельные номинации, отраженные в ее курсовой работе: *серж*, *мамлей*, *старлей*, *кэп* (сержант, младший и старший лейтенанты, капитан); *опер*, *следак* (оперативный работник, следователь); *бакланка*, *кидалово*, *мокруха* (хулиганство, мошенничество, убийство); *закрыть*, *принять*, *расколоть* (посадить, задержать, допросить); *наружка*, *оперативка*, *отработ-*

ка (надзор, оперативное совещание, опрос), *броник*, *дубинка*, *пушка* (бронежилет, палка резиновая, пистолет).

Лексика правоохранительной сферы частично знакома горожанам (*опорка* - опорный пункт, *трэзвак* - вытрезвитель, *подснежник* - вытаявший из-под снега труп, *бобик* - милицкий уазик), однако также есть немало слов и устойчивых выражений, известных только в профессиональной среде: *отрабатывать подъезд* - опросить всех жильцов в подъезде дома, *бомжатник* - машина, которая собирает бомжей (бродяг), *дурка* - психбольница, "*обезьянник в ларьке*" - помещение в милицеской будке, отгороженное решеткой.

Итак, мы рассмотрели в общих чертах историю изучения филологами Удмуртского госуниверситета социальных вариантов русского языка, использующихся на территории Удмуртии. Первые наблюдения в данной области были сделаны еще в середине восьмидесятых годов XX века, однако до сих пор изучение нестандартных (нелитературных) форм русской речи в Удмуртии не получило полного и систематического описания.

Список литературы

1. Алексеева М. А. Профессиональный жаргон работников автосервиса: система и функционирование. Дипл. работа / Науч. рук. С. Г. Шейдаева. Ижевск, 2006.
2. Ардашева С. В. Студенческий жаргон. Дипл. работа / Науч. рук. Н. А. Прокуровская. Ижевск, 1985.
3. Борисевич Е. Место жаргонной лексики в речи молодежи. Дипл. работа / Науч. рук. С. Г. Шейдаева. Ижевск, 2002.
4. Булдакова В. А. Жаргонная лексика в речи современного подростка. Дипл. работа / Науч. рук. О. А. Фрум. Ижевск, 2001.
5. Викулова Е. С. Проблемы внутренней формы окказиональной лексики (на примере речи молодежи). Дипл. работа / Науч. рук. Н.А. Прокуровская. Ижевск, 1991.
6. Гуляева Н. Профессиональный жаргон сотрудников милиции г. Ижевска. Курсовая работа / Науч. рук. С. Г. Шейдаева. Ижевск, 2003.

7. Конишева Е. Жаргонная лексика в речи учащихся политехнического лицея. Дипл. работа / Науч. рук. С. Г. Шейдаева. Ижевск, 2002.
8. Леконцева-Борзова. Особенности языка школьников-старшеклассников. Дипл. работа / Науч. рук. Т. Г. Стерхова. Ижевск, 1979.
9. Макарова И. Профессиональный жаргон сталеваров. Дипл. работа / Науч. рук. С. Г. Шейдаева. Ижевск, 2006.
10. Назмеева Г. Ф. Речь комсомольских работников г. Ижевска. Дипл. работа / Науч. рук. Н. А. Прокуровская. Ижевск, 1992.
11. Основы социолингвистики / Сост. С. Г. Шейдаева. Ижевск, 2001.
12. Политов С. Н. Солдатский жаргон. Дипл. работа / Науч. рук. Н. А. Прокуровская. Ижевск, 1990.
13. Прокуровская Н. А. К проблеме “правда” и “ложь” в языке советской эпохи // Вестник Удмуртского университета. 1993. № 4. С. 42-47.
14. Прокуровская Н. А. Город в зеркале своего языка. Ижевск, 1996.
15. Салимгареев Э. Лексические особенности речи работников городского рынка. Дипл. работа / Науч. рук. С. Г. Шейдаева. Ижевск, 2002.
16. Сухих М. Профессиональная лексика сарапульских предпринимателей. Дипл. работа / Науч. рук. С. Г. Шейдаева. Ижевск, 2001.
17. “Торговый междусобойчик” // Инфо-Панорама. 2004. № 30.
18. Торохова Е. А. Региональный вариант русского литературного языка, функционирующий на территории Удмуртии (социолингвистический аспект) Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Ижевск, 2005.
19. Хасанова Е. В. Особенности названий лиц в речи школьников. Дипл. работа / Науч. рук. С. Г. Шейдаева. Ижевск, 1992.
20. Чуракова Н. В. Наименование лиц по профессии и роду деятельности в речи жителей г. Ижевска. Дипл. работа / Науч. рук. Н. А. Прокуровская. Ижевск, 1989.

21. Шейдаева С. Г. Профессиональный жаргон в сфере торговли // Русская речь в Удмуртии. Ижевск, 2004. С. 10-15.

Е. А. Торохова

К ВОПРОСУ О СУЩЕСТВОВАНИИ УРАЛЬСКОГО РЕГИОНАЛЬНОГО ВАРИАНТА РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА

В 80-е годы XX века в филологическую терминологию вошли понятия регионализм, локализм, обозначающие не являющиеся кодифицированными “лексические единицы, которые функционируют в литературной разговорной речи” [Ерофеева Т., Ерофеева Е., Скитова 1996: 28] определенных территориальных групп. Однако наличие региональных вариантов литературного языка как факта современной языковой действительности признается не всеми языковедами, данное понятие пока не имеет четкого лингвистического содержания. В данной работе под региональным вариантом литературного языка понимается функционально-территориальная разновидность литературного языка, формирование которой зависит от географических, этнических, социальных и лингвистических факторов.

Исторически и экономически с Уралом тесно связаны Приуралье и Зауралье - территории, прилегающие к нему с Запада и Востока. На Урале, а также в Приуралье и Зауралье, расположены Пермская, Свердловская, Челябинская, Курганская, Оренбургская области и Удмуртская Республика, Башкортостан, входящие в Приволжский федеральный округ. Важнейшие города Урала - Екатеринбург, Челябинск, Пермь, Уфа, Ижевск, Оренбург, Нижний Тагил, Магнитогорск, Курган, это территории Вологодско-Вятской группы говоров. Поскольку локально окрашенная речь ижевчан имеет сходные особенности с литературной речью жителей других уральских и предуральских городов, можно предположить наличие уральского регионального варианта литературного языка. Рассмотрим общие уральские черты русского языка.

По мнению О.Д.Крыжановской и Т.В.Матвеевой, **фонетическая региональная окраска** литературной речи на Урале

создается особенностями вокализма и ритмико-мелодическими отклонениями от образцовой нормы [Крыжановская, Матвеева 1988: 58]. Так, для городской речи уральцев (на примере Екатеринбургa) характерны следующие фонетические особенности: 1) неполное или стертое оканье, 2) неполное еканье, 3) уравнивание по длительности гласных первого и второго предударного слога, 4) растяжка заударных гласных [Крыжановская, Матвеева: 59]. Неполное или стертое оканье – черта общеуральская, так как наблюдается также в речи пермяков и ижевчан [Ерофеева 1972; Ерофеева 1979; Прокуровская 1996].

В 1986 году в Удмуртском госуниверситете был проведен фонетический эксперимент, целью которого стало исследование особенностей произношения безударных гласных в РР ижевчан. В качестве информантов были отобраны преподаватели УдГУ, студенты, дикторы. Было выяснено, что речь дикторов представляет “нечто специфически ижевское, отличное от литературной нормы”. Первой степени редукции подвергается лишь первый предударный неприкрытый слог, а первый предударный прикрытый подвержен редукции второй степени; непервый предударный неприкрытый и конечный заударный открытый по одним признакам приближены к первой ступени редукции, по другим – ко второй (в абсолютном начале слова большая интенсивность, но меньшая длительность, в абсолютном конце – наоборот); гласные во всех остальных безударных позициях представляют вторую ступень редукции [Сивкова 1986: 83]. Эти выводы также совпадают с наблюдениями над речью жителей Екатеринбургa.

Таким образом, на фонетическом уровне речь ижевчан есть речь уральская. Многочисленные исследования доказывают наличие произносительных вариантов литературного языка. Относительно регионального варьирования на других уровнях языка наиболее определенно высказались пермские ученые, доказавшие и обосновавшие существование пермской локальной разновидности литературного языка на всех языковых уровнях.

Т. И. Ерофеева, исследуя разговорную речь пермской интеллигенции, пришла к выводу о наличии пермского диалектного субстрата в речи пермских носителей литературного языка на всех языковых уровнях (фонетики, лексики, морфологии,

синтаксиса). Автор отмечает, что в своих конкретных проявлениях речь горожан находится в различных отношениях к литературной норме и к внелитературным речевым средствам, выявляет зависимость от уровня образования различных групп городских жителей. Лица, по роду своей деятельности использующие повседневно филологические знания, уделяющие особое внимание вопросам речевой культуры, в большей степени придерживаются литературных норм [Ерофеева 1972].

Проблемой регионального варьирования русского литературного языка в настоящее время активно занимается кафедра славянского и общего языкознания Пермского университета. Многочисленные статьи, посвященные данной проблеме, опубликованы в журнале “Живое слово в русской речи Прикамья” (издается с 1978 г.), готовятся к печати материалы других исследований. Пермские ученые пришли к следующему выводу: “...На территории распространения говоров литературный язык существует в основном в виде локально окрашенной литературной речи, и именно эта форма существования языка в наибольшей степени противопоставлена диалекту” [Ерофеева 1999: 78].

В качестве **пермских локализов лексического уровня** исследователи, называют следующие единицы: существительные – *грибовница, жарево, жарёха, малосолы, кашик, мякина, ограда, бирка, пироженка, пирожник, тюрик, обабки, калега* и др.; глаголы – *понужать, галить, перебуровать, шаять, бусить, блазнить, взбачить, закуржавить, имать, изголяться* и др.; наречия – *вдолгих, взаутро, взорях, вообше, вскольз, позарезу, кругом, союзно* и др.

Ученые определяют локально окрашенную речь пермяков как систему, которая не совпадает полностью ни с литературным языком, ни с окружающими говорами: она пересекается и с той, и с другой системой и, кроме того, включает в себя нечто третье, что является результатом собственного развития [Штерн, Ерофеева 1998: 128-129].

Исследования по разговорной речи уральцев представлены в сборниках “Живая речь уральского города”, “Функционирование литературного языка в уральском городе” и др., выпущенных издательством Уральского госуниверситета. В данных сборниках рассматриваются как теоретические проблемы

функционирования разговорной речи в уральском городе (И. Т. Вепрева, Е. В. Красильникова и др.), так и результаты конкретных исследований устной и письменной речи уральцев (Т. Е. Помыкалова, Л. А. Шкатова и др.).

На своеобразие территориальной разновидности устной РР носителей литературного языка в Удмуртии указывала Н. А. Прокуровская. Она отмечала, что, например, не все диалектные частицы легко проникают в РР ижевчан. Исключением стала только частица *дак* (*дък*), которая используется всеми жителями Удмуртии, независимо от их возраста и профессии. Автор называет данную частицу диалектным субстратом в местной РР, придающим ей “особый колорит и неповторимость” [Прокуровская 1982: 69]. В сфере научных интересов Н. А. Прокуровской оказывались различные аспекты неподготовленной устной речи: рассмотрение синонимических субстантивных средств, изучение способов создания фразеологических единиц в разговорной речи и в ижевском просторечии и др.

В 90-х гг. научные интересы Н. А. Прокуровской определились достаточно ясно: ономастологический и социолингвистический аспекты, речевая деятельность. В 1996 г. вышла в свет ее монография “Город в зеркале своего языка”, которая быстро стала известной многим российским специалистам, занимающимся проблемами языка города. Цель исследования – показать языковой облик совершенно не изученного в лингвистическом плане г. Ижевска, представить наиболее интересные пласты языковых фактов, позволяющие судить о духовной жизни горожан. В качестве источника исследования материала была использована прежде всего картотека по разговорной речи, составленная автором вместе со студентами, список улиц г. Ижевска, неофициальные и полуофициальные урбанонимы. Монография Н. А. Прокуровской представляет собой первое систематизированное описание живой устной речи жителей Ижевска. Проанализированный материал по просторечию позволил Н. А. Прокуровской говорить о **специфике ижевской городской речи**. Это нашло отражение и в других ее работах, в частности, в проведенном сравнении ижевской городской речи с речью других городов Урала [Шейдаева 2004].

В настоящее время издательством Удмуртского госуниверситета выпущен ряд сборников научных статей, посвященных проблемам функционирования русского языка в различных сферах общения (напр.: [Русская речь в Удмуртии 2004]).

Таким образом, по многим объективным факторам ижевский локальный вариант, как и пермский, имеют общие региональные особенности, которые, в свою очередь, можно назвать разновидностью Уральского регионального варианта литературного языка.

Список литературы

- 1.Ерофеева Т. И. Локальная окрашенность литературной разговорной речи: Учебное пособие. Пермь, 1979.
- 2.Ерофеева Т. И. Лингвистические портреты городов Пермской области (стратификационное исследование) // Лингвистическая ретроспектива, современность и перспектива города и деревни: Мат-лы междунар. совещ. 18-19 ноября 1997 г. / Перм. гос. ун-т. Пермь, 1999. С. 75 - 80.
- 3.Ерофеева Т. И. Локальная окрашенность разговорной речи у лиц, владеющих литературным языком (анализ записей речи пермской интеллигенции): Авторефер. дис. ... к. филол. н. М., 1972.
- 4.Ерофеева Т. И., Ерофеева Е. В., Скитова Ф. Л. Локализм и аспекты его изучения // Актуальные проблемы стилистики и терминоведения: Тез. междунар. конф. Нижний Новгород, 1996. С. 28 - 31.
- 5.Крыжановская О. Д., Матвеева Т. В. Фонетические регионализмы в литературной речи на Урале и пути их устранения при подготовке актеров // Живая речь уральского города. Свердловск, 1988. С. 55 - 63.
- 6.Прокуровская Н. А. Город в зеркале своего языка: На языковом материале г. Ижевска. Ижевск, 1996.
- 7.Прокуровская Н. А. Роль синонимического фактора при определении статуса незначительных слов в разговорной речи // Учебные материалы по проблеме синонимии. Ч.1. Ижевск, 1982. С. 22 - 23.
- 8.Русская речь в Удмуртии: Межвуз. сб. ст. / Сост. С. Г. Шейдаева, Н. И. Чиркова. Ижевск, 2004.

9.Сивкова М. А. О ступенях редукции гласных в городском просторечии Ижевска // Фонетика и письмо: Межвузовский сборник научных трудов. Устинов, 1986. С. 79 - 83.

10.Шейдаева С. Г. Н. А. Прокуровская как исследователь русской разговорной речи // Русская речь в Удмуртии: Межвуз. сб. ст. / Сост. С. Г. Шейдаева, Н. И. Чиркова. Ижевск, 2004. С. 3 - 10.

11.Штерн А. С., Ерофеева Е. В. Фонетика говоров и литературного языка на территории Пермского региона // Русские говоры Пермского региона. Формирование. Функционирование. Развитие. Вып .1. Пермь, 1998. - С. 31-14.

2.

Язык города

М. К. Каракулова
ЯЗЫКОВОЙ ПОРТРЕТ ГОРОДА ГЛАЗОВА
В ИНФОРМАТИВНО-РЕГУЛИРУЮЩИХ
УКАЗАТЕЛЯХ

По совершенно правильному замечанию Ю. Н. Караулова, “текущим языком общества русистика, да, пожалуй, и лингвистика в целом, никогда по-настоящему не занималась. Больше того, обращение к нему как к предмету изучения может показаться не вполне научным делом: ведь мы всегда изучали лучшие образцы речи, мы привыкли ориентироваться на мэтров языка, на авторитеты и старались избегать "отрицательного" языкового материала” (Цит. по: [Ширяев 1992: 45-46]). Только с конца XX века, как известно, научным объектом в лингвистике становится не только невидимая для носителя языка языковая система, но и языковая реальность, к которой можно отнести и городскую семиотику. Взаимосвязь и взаимозависимость языка и общества - аксиома, обсуждать которую уже, казалось бы, неактуально и неинтересно, а потому и не нужно. Все давно известно, описано, понятно. Но один из аспектов названной проблемы - письменное отражение функционирования языка в маленьком городе - разработан еще недостаточно.

Жители города, естественно, активно пользуются в своей жизни языком: говорят, пишут, читают, думают (будем считать для простоты - на одном). Но не только. Язык нужен для людей и для того, чтобы назвать районы, участки города, магазины, улицы, чтобы создавать афиши, информативно-регулирующие указатели, объявления, т.е. город пользуется особой “совокупностью и системой знаков, фиксирующих специфику городского устройства и быта и активно использующихся населением города” [Прокуровская 1998: 1]). Таким образом, у любого города есть свой языковой портрет (в виде назва-

ний магазинов, улиц, информативно-регулирующих указателей, афиш и т. д.), который отражает, с одной стороны, общие закономерности функционирования конкретного языка конкретного времени, с другой стороны, - особенности бытования этого языка в данном городе. Поэтому фиксация и даже простое описание языкового портрета города очень важны, потому что "такие материалы обладают социокультурной значимостью. Записи, фиксирующие "мелкий сор повседневной жизни", отражают языковое существование города" [Китайгородская, Розанова 2000: 350]. Неслучайно данной проблеме посвящены работы крупных ученых: "Семиотика города" Р. Барта, "Символика Петербурга и проблемы семиотики города" Ю. М. Лотмана. Примечательно, что начинают появляться новые исследовательские работы в этом плане, например "Пермь как текст" В. В. Абашеева (2000), "Город как текст" М. Бютора (2000) и другие. На страницах Вестника Московского университета проводится дискуссия "Город как дискурс" [Венедиктова, Боровинская, Кулик 2004].

Так как одна из важнейших функций языка - коммуникативная, очень важно семиотическое обеспечение коммуникации - того, "в какой мере удалось выразить нужную информацию в концентрированном знаковом виде - в ритуале, символе, формуле, в географической карте, чертеже, терминологии, лозунге или афоризме, плакате" [Мечковская 2004: 3]. При этом под информацией понимается не обязательно строго официальное, служебное, научное или деловое сообщение, но и просто рукопожатие, названия магазинов, вывески, регулирующие указатели и т. д. Информация всегда имеет знаковую природу и передается с помощью знаков. Информация в виде "совокупности и системы знаков, фиксирующих специфику городского устройства и быта и активно используемых населением города, образует "семиотику города"" [Прокуровская 1996: 10].

Наше поведение в городе регулируется большим и разнообразным набором указателей и объявлений - информативно-регулирующими указателями (далее ИРУ), которые, естественно, являются составной частью системы языка города. Указатели предназначены передавать:

- 1) собственно информацию (*Вход. Выход*);

- 2) информацию-инструкцию (*Закрывайте дверь!*);
- 3) информацию-запрет (*По газонам не ходить!*);
- 4) информацию-предупреждение (*Осторожно - ступенька*).

Изучение ИРУ тем интересно, что они показывают, какого рода поступки возможны в данном обществе, что можно ожидать от его членов, какое поведение нужно остановить. Поэтому такого рода указатели являются не только языковым фактом, а социально-культурным. Например, в Германии вдоль дорог располагаются участки с цветами с ИРУ "*Selbst schneiden*" (Сами срезаем), там же вывешен прейскурант цен на разные цветы и находится автомат-копилка. Люди подъезжают, сами срезают цветы, какие и сколько им нужно, и сами оставляют нужную сумму. В театре Лондона есть указатель: "*Пожалуйста, не кладите ваши пальто под сиденья, поскольку это нарушает вентиляцию*" (последний пример заимствован из: [Герминасова 2000]). Запрет такого рода невозможен в нашей культуре по той причине, что никому в голову не придет так вести себя. Традиция класть верхнюю одежду под сиденье в театре в Англии прижилась, потому что верхняя одежда там по сравнению с нашей более легкая, а раздевалки в театре платные.

Различные указатели, запреты, инструкции в крупных городах, например в Москве, часто выполнены в виде графического изображения, которое понятно для разноязычных людей, то есть в виде иконических знаков (по терминологии Ч.С.Пирса, родоначальника общей теории знаков). Такие знаки основаны "на фактическом подобии означающего и означаемого" [Якобсон 1987: 104]. Много таких знаков запрещающего характера: перечеркнутые фотоаппарат, мобильный телефон, сигарета, велосипед говорят сами за себя. Они активно используются в крупных городах, где много иностранцев. Такие знаки есть и в г. Глазове, их немного и они не отличаются разнообразием: это перечеркнутая сигарета, знаки входа и выхода.

В крупных городах много ИРУ на английском языке, в Глазове надпись на английском языке (*No smoking!*) встречается только на железнодорожном вокзале. Примечательно, что в городе, в котором живут много удмуртов, найден только один

ИРУ на стене, ограждающей Чепецкий механический завод, в котором одна из записей на удмуртском языке:

*Запретная зона
Проход запрещен
Ветлыны уг лу.*

В связи с этим уместно вспомнить слова В. В. Колесова, исследовавшего язык Петербурга и обнаружившего, что, несмотря на то, что в Петербурге давно и много проживало финнов, в русской речи следов этого языка не обнаруживалось: “Нет, никак не сказалась финская речь на разговоре русских жителей города. Скорее наоборот, отстранялся от этой речи жаргон любой прослойки, претендовавшей на исключительность или образованность, в противоположность ей видя “чистоту” русской речи. И это весьма знаменательно: выходит, мало веками жить вместе, недостаточно общаться друг с другом, нужно что-то еще, что привлекло бы к языку, вызвало заимствования” [Колесов 1991: 69]. Абсолютно похожая ситуация с удмуртским языком в Глазове.

Еще одна особенность: в Москве ИРУ практически отсутствуют на дверях различных магазинов центральной части города. Объясняется это тем, что наклеенные указатели портят внешний вид дорогих магазинов. В Глазове же можно увидеть дверь какого-либо торгового центра, полностью заклеенную различной информацией. Например, торговый центр “Радуга” по ул. Первомайской, 28 а.

ИРУ существовали и раньше, но и на них отразились коренные перемены в русском языке, произошедшие на рубеже веков. ИРУ прежде существовали в виде набора стандартных, привычных, клишированных, стереотипных, официальных выражений: *Не курить! Не сорить! Посторонним вход воспрещен! Осторожно - сосульки! Берегись автомобиля!* Но указатели - это форма общения “начальства” с народом, и чтобы заставить людей выполнять предписанные правила, в ход идет функция воздействия языка. Чаще всего с этой целью используются глаголы в повелительной форме или еще в более категоричной форме - инфинитива: *Придерживайте дверь! Не входите! С*

этой же целью очень активно используется восклицательный знак - один, а чаще три.

ИРУ не украшают языковой облик города, но кажутся естественными и нужными, пока не взглянуть на них со стороны, со стороны другого языка. Рассмотрев подобные указатели в англоязычных странах, С. Г. Тер-Минасова замечает, что английский язык в них “добрее, чем русский! В англоязычных странах людям подробно и заботливо объясняют права и обязанности их поведения в обществе” [Тер-Минасова 2000: 234], а русский строго предписывает, запрещает, навязывает. Это проявляется в том, что указатели на английском языке чаще используют подчеркнуто вежливое обращение к адресату, форму личной вежливой просьбы с обязательным словом “пожалуйста”. В русском же языке наиболее отстраненная форма обращения к народу характеризуется такими чертами, как категоричность, прямолинейность, прагматизм. Самая распространенная форма обращения к человеку - императив в форме инфинитива, то есть самый грубый, не терпящий возражений окрик: *Стоять! Не курить! Животных не кормить!* “Разумеется, в английском языке, при всем разнообразии форм обращения к народу, наиболее распространенной остается простая, ясная и тоже прямолинейная форма: "No smoking!" (Не курить!). Однако разница в том, что в советском русском не курить было единственно возможным, абсолютно клишированным вариантом” [Тер-Минасова 2000: 255]. Да и в Германии ИРУ не пугает, как у нас (*Осторожно - злая собака!*), а просто информирует, причем от лица самой собаки: *"Ich wache"* (Я сторожу).

Наблюдения С. Г. Тер-Минасовой очень интересны, но относятся к чуть отдаленному времени, по крайней мере, не к 2000-м годам. С конца XX века, а особенно в начале XXI русский язык во многом стал меняться, “безликая и безадресная речь сменяется речью личной, приобретает конкретного адресата. Возрастает диалогичность общения” [Земская 2000: 12]. Это отчетливо видно и на примере ИРУ в городе. Даже в период с 2003 по 2007 год, когда собирался языковой материал, можно заметить большие изменения в этой области.

Начнем с внешних изменений: раньше многие ИРУ были написаны маркером на листе, на обрывке листа, на кар-

тонной коробке. Сейчас же практически все указатели напечатаны и красиво оформлены.

Бросается в глаза, что вместо сухих, строгих, безапелляционных ИРУ теперь появились такие, которые имеют конкретного адресата, к которому обращаются подчеркнуто уважительно: *Уважаемые покупатели (читатели, покупательницы), милые покупательницы (дамы).*

*Уважаемые покупатели!
Для Вас работаем
ежедневно без обеда
(“Магазин Низких цен”, ул. Энгельса, 15)*

*Уважаемые господа!
Поздравляем Вас с Новым годом
и предлагаем свои услуги
(сбербанк России, ул. Кирова, 7)*

Вместо сухих и категоричных требований типа *Не курить!* или *По газонам не ходить!*, появляются указатели с обязательным “пожалуйста”, “извините”, “просьба”, “спасибо” и другими новыми вежливыми формами:

*Спасибо, что вы
Не курите
(кафе “Лидер”, ул. Кирова)*

*Закрывайте, пожалуйста,
дверь
(аптечный киоск, ул. Сибирская, 20)*

*Закрывайте двери!
Пожалуйста!
(торговый центр “Первомайский”, ул. Первомайская, 1)*

*Большая просьба
Закрывать за собой двери
(муниципальный финансово-экономический колледж,
ул. Короленко,8)*

Идет прием товара.

Извините

(магазин “Родничок”, ул. Мира, 21)

Закрывается

Извините за неудобства

(магазин “Евроком”, ул. Кирова, 15)

Уважаемые покупатели! Просьба выставленный товар

Руками не трогать!

(мини-рынок “Марта”, ул. Первомайская, 41)

Спасибо

за убранную посуду

(столовая “Спектр”, ул. Кирова, 64)

Мы работаем

для вас

круглосуточно

(магазин, ул. Короленко, 31)

У нас не курят

(молодежный клуб “Родник”, ул. Т. Брамзиной, 2)

Этот случай еще более деликатен: нет ни приказа, ни благодарности, а просто информация без морального давления.

Мы всегда рады

видеть Вас

(магазин “Атланта”, пл. Свободы, 5)

Мы ждем Вас еще

(магазин “Центральный”, пл. Свободы, 5)

Всегда рады

Видеть Вас

(жилищное агентство “Империя”, ул. Кирова, 8)

Конечно, и сегодня среди ИРУ часто встречаются предписания строгие и официальные, как и в прежние времена:

Курить в колледже строжайше

Запрещено

(Муниципальный финансово-экономический колледж)

Не курить

У окна!

(больница Чепецкого механического завода,
клиническая лаборатория)

Вечерние костюмы

руками не трогать

(мини-рынок “Марта”, ул. Первомайская, 41)

Руками не трогать!

(ГУМ, ул. Советская, 32, надпись на дорожной шубе)

Но важно то, что появились разнообразные формы обращений в указателях, варианты. Иногда сочетается новое (вежливое обращение к клиенту) со старым (очень строгим предупреждением):

Уважаемые покупатели!

Вход в помещение магазина

с собаками воспрещен. Штраф 100 рублей.

(магазин “Центральный”, пл. Свободы, 5)

Вместо категоричных инфинитивных форм чаще встречаются глаголы в повелительной форме:

Пожалуйста! Не опирайтесь

На стекло!!!

(магазин “Центральный”, пл. Свободы, 5)

Пожалуйста, не ставьте

Сумки на прилавок

(магазин “Мир фарфора”, ул. Пряженникова)

Другой особенностью является то, что ИРУ не просто предписывают или запрещают, как прежде, они и объясняют, как и почему:

Не наваливайтесь

Сломано стекло

(торговый центр на ул. Сибирской,
отдел “Фототовары”)

Уважаемые покупатели!

Закрывайте, пожалуйста, двери.

Нам очень холодно

(мини-рынок “Нива”, ул. Сибирская, 23)

Закрывайте двери,

Придерживая

(Глазовский государственный педагогический
институт, корпус 1, ул. Первомайская, 25)

Кроме прямой, ИРУ сопровождаются различной другой информацией. При этом оформляются они самым произвольным образом:

Тетради из Казани

Цены интересные

(мини-рынок “Нива”, ул. Сибирская, 23,
отдел “Канцтовары”)

Снегопад цен

на парфюмерию

(магазин “Хозяйка”, ул. Первомайская, 1)

Сегодня в нашем магазине

Скидка 5%

Радуйтесь жизни и + экономьте!

(магазин “Мойдодыр”, ул. Первомайская, 1)

Вход
Добро пожаловать
(магазин “ИнтерСтрой”, пл. Свободы, 5)

Выход
Спасибо за покупку
Счастливого пути!
(там же)

Вход через аудиторию
403
(Глазовский государственный педагогический
институт, корпус 3, 4 этаж)

Дверь открывается на себя
(мини-рынок “Нива”, ул. Сибирская, 23, при входе)

Дверь открывается от себя
(там же, при выходе)

Или просто:

на себя/от себя
(магазин “Эльдорадо”, ул. Революции, 19)

Вход
от себя!
Выход
От себя!
(магазин “Евроком”, пл. Свободы, 5)

У нас работает кондиционер.
Добро пожаловать!!!
(магазин “Евросеть”, ул. Кирова, 31)

Добро пожаловать!!!
Мы открылись для Вас
(новый торговый центр на центральном рынке)

*Приходите
Мы очень рады!!!*
(мини-рынок “Марта”, ул. Первомайская, 41)

Встречаются и не совсем обычные как по содержанию, так и по оформлению ИРУ:

*Пожалуйста, не закрывайте дверь
Дверь закрывается самостоятельно*
(магазин “Классик”, ул. Кирова, 64)

Приложи усилие
(“Интернет-центр”, на двери отделения почты)

Толкай!
(на двери магазина на Центральном рынке)

Другой особенностью указателей является то, что в них нередко присутствует юмор, языковая игра, что является реализацией функции воздействия (а не только информативной):

Просьба - не курить. Зубные протезы стоят дорого
(в автобусе)

*Наша радость от вашего посещения
Не знает границ*
(художественная мастерская, ул. Первомайская, 39)
Накурился - не входи
(на двери кабинета главврача
в стоматологической поликлинике на ул. Чепецкой)

*расс
два распродажа
три*
(магазин “Хозяйка”, ул. Первомайская, 1)

*У нас есть что купить,
Одеться и форсить
(магазин “Милена”, ул. Первомайская, 41)*

*С водой, едой и другой бедой
Просьба не входить
(магазин “СпортТайм” на Центральной рынке)*

*Сигарет нет
Сигарет нет вообще
И поштучно тоже
(ларек “Карат”, ул. Кирова)*

*Изловлю того, кто курит -
Страшно отому,у,
Несмотря на все нормы
Международного права и
Права человека тоже.
Студентки, поймите совесть и
Своим курением не нарушайте права остальных
Каф. отеч. истории
(на дверях женского туалета Глазовского государственного
педагогического института, корпус 3)*

*Внимание, брат - студент!
Рабочим по фабрике, крестьянам - по земле,
Нуждающимся по нужде, хищникам - по кости,
Травоядным по банану!
Ну, все это в перспективе, а сейчас, брат, -студент,
Ты имеешь право получить материальную помощь +
(Глазовский государственный педагогический институт)*

В ИРУ иногда встречаются обращения от имени предмета. Они немногочисленны, но сам факт их появления говорит о том, что люди ищут новые формы, стремятся сделать ИРУ более интересными, разнообразными. Например:

Прикрой меня нежно

Дверь

(магазин “Мечта”, ул. Кирова)

Купи меня к празднику

Торт

(магазин “Спектр”, ул. Революции, 15)

Интересными являются некоторые указатели, которые не содержат, в сущности, никакой информации, это просто плакаты:

Радуйтесь, если

Вы сэкономили

(магазин “Свиток”, ул. Сибирская, 24)

Будьте здоровы

(аптека, ул. Республиканская, 29)

Здравствуйте

Вместе с нами!

(аптека, ул. Кирова, 2)

Особого внимания заслуживает пунктуация в ИРУ. Даже самые простые, бытовые ИРУ, как правило, сопровождаются восклицательным знаком, часто не одним, а тремя:

Добро пожаловать!!!

Мы открылись для Вас!

(новый торговый центр на Центральном рынке)

Приходите

Мы вам очень рады!!!

(мини-рынок “Марта”, ул. Первомайская, 41)

Убедительная просьба!

Цветы руками не трогать!!!

(магазин “Мир растений”, ул. Пряженникова, 67)

Убедительная просьба, закрывайте за собой двери!!!
(магазин “Цифроград”, пл. Свободы, 5)

Интересно, что на одном ИРУ встретилось и необычное сочетание пунктуационных знаков:

Не трогать!?!
(на газете “Рынок сегодня” в киоске)

В английском языке восклицательные знаки, по свидетельству С. Г. Тер-Минасовой, встречаются, во-первых, как правило, в агитационно-рекламно-политических текстах, во-вторых, употребляется сочетание даже двух знаков:

Room change!! (смена аудитории)
[Тер Минасова 2000: 242].

ИРУ изобилуют пунктуационными ошибками. Некоторые из них объяснимы: отсутствие нужных пунктуационных знаков заменяется различными внеалфавитными средствами. Известно, что “письменная речь, в отличие от устной, обладает целым арсеналом внеалфавитных средств. К ним относятся пунктуационные знаки, диакритики, символы и условные обозначения, приемы композиционной пространственной организации - пробелы, линейки, шрифт, способ набора” (Орехова 2000: 7). Особенно активно в ИРУ используется другой шрифт, подчеркивания, способы набора, в частности, написания каждого слова с новой строки, прописные буквы, что “освобождает” от расстановки знаков препинания:

Тетради из Казани
Цены интересные
(мини-рынок “Нива”, ул. Сибирская, 23,
отдел “Канцтовары”)

Убедительная просьба
без продавца
не трогать
(магазин “Хозяин в доме”, ул. Кирова, 8)

*Осторожно
сосульки*

(ул. Кирова)

*Не наваливайтесь
Сломано стекло*
(отдел “Фототовары”, ул. Сибирская, 20)

*Осторожно!
скользкий пол
низкие ступеньки*
(магазин “Диски”, ул. К. Маркса)

Разнообразие применяемых шрифтов сближает графику ИРУ с устной речью, так как “шрифты как бы имитируют динамические характеристики речи” [Рождественский 2000: 278].

Как отмечает Н. С. Валгина, “понимание сущности пунктуации и развивающейся системы помогает уловить тенденции, которые наметились в употреблении знаков в наше время, и выработать правильное отношение к этим изменениям” [Валгина 2001: 242], поэтому отсутствие нужных знаков в приведенных примерах нельзя однозначно рассматривать как ошибки.

Надо сказать, однако, что в ИРУ, к сожалению, допускаются и явные ошибки. Наиболее типичная и последовательно встречающаяся ошибка - невыделение деепричастного оборота:

Уважаемые клиенты!
Считайте деньги не отходя от кассы!!!
(отделение банка “Уралсиб”, ул. Первомайская, 1)

*Проверяйте деньги и
наличие чека не отходя от кассы*
(магазин “Продукты”, ул. Пехтина, 60а)

Одно из немногих объявлений, которое написано правильно:

Уважаемые покупатели!
Считайте деньги, не отходя от кассы.
Претензии по качеству и количеству товара
принимаются в момент получения товара.
(оптовая база на ул. Юкаменская)

Следующая по частотности ошибка - использование
другого знака вместо нужного:

Осторожно,
Ступенька!
(магазин "Красный квадрат" на Центральном рынке)

Осторожно!
Высокая ступенька
(торговый центр "Радуга", ул. Первомайская, 28а)
Осторожно,
порог
(магазин "Промтовары" на автостанции)

Осторожно,
скользкий пол
(магазин "Связной", ул. Толстого, 38)

Осторожно - ступенька
(магазин "Цветок", ул. Кирова, 1)

- наиболее приемлемый вариант, поскольку в современном русском языке двоеточие постепенно вытесняется тире.

В городе не встретилось ни одного ИРУ, где бы после слова "осторожно" было двоеточие.

Запятая, а еще чаще восклицательный знак вбирает в себя все возможные функции пунктуационных знаков:

Убедительная просьба!
Цветы руками не трогать!!!
(магазин "Мир растений", ул. Пряженникова, 67)

Просьба! Обои без продавца
руками не трогать
(магазин "Исток", ул. Революции, 19)

*Убедительная просьба,
с едой и напитками
не входит*
(магазин "Милена" на Центральном рынке)

В ИРУ не выделяются, как правило, причастный оборот или вводное слово:

*За ценные вещи и деньги,
оставленные в карманах одежды
администрация ответственности
не несет*

(ЦРБ, гардероб)

*Закрывают пожалуйста
дверь*

(автостанция, ул. Сулимова, 67)

ИРУ вскрывают элементарное невладение пунктуационными правилами:

*Твоя обувь,
Ждет тебя*

(мини-рынок "Марта", 2 этаж, ул. Первомайская, 41)

*Проверяйте полученные вами
платежные документы, на соответствие
со сданной или полученной наличностью*

(отделение банка "Уралсиб", ул. Первомайская, 1)

Таким образом, мир улицы города Глазова многоликий и пестрый, и ИРУ являются непосредственным отражением сознания людей, ярким показателем культуры общества. Они формируют как определенный социальный мир, так и личность, представляющую этот мир.

"Язык живой как жизнь", он развивается во времени, отражая реалии современной жизни. Развивается и изменяется и язык города. Изменения ИРУ связаны, прежде всего, с общественными изменениями. Это приводит к поиску новых форм и

моделей, следовательно, возрастает роль творческого начала в ИРУ.

Рассматривая язык ИРУ, мы видим большие изменения даже в течение 5 лет. Но нужно отметить, что их язык очень непостоянен, что многие ИРУ к настоящему моменту уже исчезли с лица города, а появились новые.

Список литературы

1. Валгина Н. С. Активные процессы в современном русском языке. М., 2001.
2. Венедиктова Т., Боровинская Т., Кулик Е. Город как дискурс // Вестник Московского Университета. Филология. 2004. № 3. С. 98 - 111.
3. Земская Е. А. Введение // Русский язык конца XX столетия (1985- 1995). Изд. 2-е. - М., 2000. С. 9 - 32.
4. Китайгородская М. В., Розанова Н. Н. Приметы времени в современной городской топонимике // Русский язык конца XX столетия (1985- 1995). Изд. 2-е. М., 2000. С.344-348.
5. Колесов В. В. Язык города. М., 1991.
6. Мечковская Н. Б. Семиотика: Язык. Природа. Культура: Курс лекций: Учеб.пособие. М., 2004.
7. Орехова Н. Н. Пунктуация и письмо (на материале русского и английского языков). Ижевск, 2000.
8. Прокуровская Н. А. Город в зеркале своего языка (На языковом материале г. Ижевска). Ижевск, 1996.
9. Рождественский Ю. В. Лекции по общему языкознанию. М., 2000.
10. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация. М., 2000.
11. Ширяев Е. Н. Вместо хроники одной конференции о русском языке // РР. 1992. № 1. С. 45-50.
12. Якобсон Р. О. В поисках сущности знака // Семиотика. М., 1983. С. 102-117.

А. Ю. Долганова
СОБСТВЕННЫЕ ИМЕНА
КАК ДЕРИВАЦИОННАЯ БАЗА ЭРГОНИМОВ
(на материале названий магазинов Ижевска)

Тесная связь онимов разных классов – хорошо известный языковой факт. Эта связь проявляется, в частности, в процессах трансонимизации, т.е. переходе собственных имен из одного разряда в другой. Трансонимизация может сопровождаться аффиксацией или сложением основ (грамматическая), может происходить без формальных изменений производящей ономаемы (семантическая) [Подольская 1990: 43]. Нередким является также образование сложных номинативных единиц, один из компонентов которых – оним.

В качестве деривационной базы эргонимов Ижевска выступают представители многих классов ономастического пространства.

Активность разных видов антропонимов в номинации торговых предприятий различна. Деривационной базой являются, как правило, личные имена, причем имена-гипокористики применяются значительно реже полных форм. Абсолютное большинство производящих личных имен – женские имена. Незначительно число названий магазинов, образованных от фамилий и отчеств.

Существуют разные мотивы использования антропонимов в эргонимии. Во-первых, это именованья по принадлежности – поссесивные номинации. Включение в названия коммерческих организаций фамилий владельцев – давняя традиция российского купечества (ср. возрожденное *Дом Бодалева*), однако такие примеры в Ижевске единичны (*Немиров-мебель*). Названия на базе личных имен (*Алсу, Катюша*) или отчеств (*Иваныч*) практически анонимны – настолько неконкретно даваемое ими указание на владельца. То же самое можно сказать о предложных конструкциях с личными именами *У Ольги, У Василия* и об атрибутивном имени-словосочетании *Алешкин двор*.

Во-вторых, именованья – “пустые” знаки с приоритетом формы над содержанием. Заметим, что названия, основанные на

именах родственников или друзей номинатора, очень близки случаям использования личного имени без какой-либо связи с конкретным магазином. Депроприативы, омонимичные личным именам, вне ситуации именованья невозможно интерпретировать как поссессивные или не мотивированные свойствами объекта, причем, независимо от мотива называния, покупателем название воспринимается как ярлык, оно только аттрактивно и не несет смысловой нагрузки. Легкость перехода личных имен в разряд немотивированных эргонимов обусловлена их асемантичностью. При свободном выборе антропонима номинаторы учитывают красоту имени (*Элида, Виола*), его этимологический смысл (*Зарина* – из персидского *zar* золото [Суперанская 2003: 386]) или наличие прозрачной внутренней формы (*Любава, Милана*). Иногда именующие стремятся усилить воздействие антропонимических номинаций на потребителя (например, имя Рая получает графическое оформление *Рай я*).

В-третьих, личное имя благодаря прозрачной внутренней форме способно нести информацию о номенклатурной специфике магазина. Так, эргоним *Альпина* образован на базе личного имени, восходящего к названию горной системы в Западной Европе [Суперанская 2003: 355]. Название магазина, предлагающего товары для туризма, соотносится с апеллятивом “альпинизм” и является квалификативным (ср. также название ювелирного магазина *Ювелия*, которое создано по образцу личного женского имени).

Наконец, на базе антропонимов, чьи денотаты обладают широкой известностью, создаются суггестивные номинации. Богатая энциклопедическая информация имени собственного приводит к появлению коннотации, достаточной для использования онима в качестве символа. При переходе антропонима в класс эргонимов комплекс сведений о первоносителе имени редуцируется, нередко до одной личностной черты. Эта черта, благодаря которой соотносятся антропоним и эргоним, становится внутренней формой именованья. Так магазин косметики получает имя *Нефертити*, ставшей символом совершенной красоты, музыкальный магазин *Elvis* носит имя короля рок-н-ролла Элвиса Пресли, а отдел молодежной одежды в торговом центре на-

зывается *Бритни* по имени поп-звезды Бритни Спирс. Подобные названия суггестивны и квалификативны одновременно.

Однако не всегда имена знаменитых людей указывают, пусть и ассоциативно, на специализацию торгового предприятия. Номинаторы нередко рассчитывают только на способность имени вызвать эмоциональную реакцию. В таких случаях антропоним в какой-то степени абстрагируется от своего носителя: Магеллан – не португальский моряк, живший в XVI веке, руководитель первой успешной кругосветной экспедиции, а просто – один из мореплавателей. На абстрагирование указывает и орфографическая вольность – написание имени с одной буквой “л”. В слогане, сопровождающем эргоним, делается попытка объяснить мотив номинации, логично соединить имя и его новый денотат: “*?Магелан? – ваш верный помощник в море мебели*”. Рекламный текст заполняет пустоту, существующую между немотивированным именем и объектом. По данной модели создаются иногда алогичные номинации. Например, потребитель вряд ли сможет установить ассоциативную связь между именем Моны Лизы, флорентийки, ставшей известной благодаря работе “Джоконда” Леонардо да Винчи, и омонимичным названием обувного магазина.

Эти факты доказывают, что названия, традиционно объединяемые принципом “отношение объекта к субъекту”, в эргонимии являются реализацией разных принципов номинации.

Среди топонимов, ставших деривационной базой названий магазинов, самыми многочисленными оказались урбанонимы. Созданные на их основе названия содержат информацию о местонахождении именуемого объекта, т.е. являются координатными. Номинации, связанные с географическими реалиями Ижевска, можно рассматривать как результат топонимической метонимии.

Существует несколько типов координатных названий. Первый, самый распространенный, – по линейному топониму, улице, на которой находится магазин. Таковы названия *Красный*, *Новостроительный*, *Камбарский* – имена-эллипсисы, возникшие на базе сочетания с определяемым словом “магазин”; *Петровский* (ул. Петрова), *Тимирязевский* (ул. Тимирязева) – эллиптированию здесь предшествовала суффиксация; более выра-

зительные *Холмогоры* (усеченное имя от ул. Холмогорова), предложные конструкции *На Воровского* и *У Сенной* (последнее на базе неофициального урбанонима), имя-словосочетание *Сенной спуск*. Некоторые отурбанонимические названия содержат разноплановую информацию об объекте – указывают и на расположение магазина, и на его ассортимент: *Мебель на Удмуртской*, *Мир детства на Клубной*, *Дизель на Клубной*.

В основе номинаций второго типа лежит перенос имени с крупного планарного объекта. Семантическая онимизация происходит как на базе официальных названий районов и микрорайонов Ижевска (*Устиновский*, *Первомайский*, *Вараксино*, *Металлург*, *Северный*), так и на базе названий, не получивших статуса официальных (*Зарека*, *Колтома*). По этому образцу создано название *Заречье*. Магазин действительно расположен в заречной части города, но данная онома тема в разговорной речи ижевчан практически не встречается, и поэтому неорганичный характер номинации ощущается жителями города.

Реже встречается на вывесках третий тип – по точечному объекту: *Динамо* (расположен рядом с одноименным стадионом), *Долгий мост* (неофициальная номинация, сохранившаяся с XIX века).

В координатных названиях могут использоваться известные урбанонимы другого города. В этом случае, помимо локализации магазина путем указания на близлежащий объект, происходит эмоциональное воздействие на адресата: *Гостинный двор* (рядом с гостиницей “Центральная”), *Охотный ряд* (в том же здании расположен магазин “Охота”), *ГУМ* (предлагается расшифровка *Горьковский универсальный магазин*, т.к. расположен на ул. Горького). Форма онома темы не трансформируется, но меняется денотат и возникают иные мотивационные отношения.

Прочие виды топонимов включаются в состав названий магазинов по разным причинам. Нередко это происходит ради указания на место, где произведен товар. Информация такого рода может быть достаточно конкретной (*Можгинский*, *Увинский*), или, напротив, максимально размытой, когда имеются сведения лишь о регионе, в котором выпущена продукция (*Еврошина*, *Модная одежда из Европы*). Большинство оттопоними-

ческих образований этого типа – имена-словосочетания: *Цветы Кубани, Мебель из Белоруссии, Чайковские ткани*; конструируются также имена-композицы: *Италмарка, ФинКраска*. Никаких семантических процессов здесь не происходит, топонимы употребляются в своем прямом значении.

Выполнение оттопонимическими названиями суггестивной функции возможно благодаря известности их денотатов в социокультурном пространстве. Энциклопедическая информация топонима в этом случае редуцируется до самого общего значения “европейский город”, “столица”, “привлекательный район столицы” и т.п. Таковы названия *Париж, Москва, Венеция, Прага, Арбат, Голливуд*. Нередко в рекламе актуализируется мотивировочный признак: магазин косметики *Елисейские поля* – “Елисейские поля – признак элегантности, надежности, успеха”; магазин кожаной одежды *Босфор* – “На волне европейской моды”.

Некоторые названия образованы на базе узуальных коннотативных топонимов, имеющих интерлингвистическое переносное значение. Примером такого рода служит название магазина бытовой техники *Эльдорадо*: “Эльдорадо – страна богатств, страна сказочных чудес” [Современный словарь иностранных слов: 714]. В связи с этим отметим нежелательность использования для называния коммерческих предприятий собственных имен с пейоративной коннотацией. Так, неудачно название магазина косметики *Сибирь*, поскольку лексема “Сибирь” сохраняет значение “тяжелая работа, каторжный труд” [Отин 1980: 11].

Весьма многочисленны наименования магазинов на базе эргонимов и брендов. В мировой практике название фирмы-производителя и ее бренд нередко совпадают полностью или частично (*Sony – Sony Corp., Samsung Electronics – Samsung Corporation*). Однозначно ответить на вопрос, что именно послужило производящей базой при номинации торгового предприятия, невозможно. В случае, когда название фирмы и бренд, под которым она выпускает продукцию, идентичны, можно говорить о двойной ономаσιологической мотивированности названия магазина (ср. *Хольстер, Green mama*). Дескриптивная функция таких наименований находится в прямой зависимости от степени из-

вестности исходного имени. Если торговая марка знакома потребителю, то название на ее базе становится отличной характеристикой магазина: *Фермани* – обуви, *AVON* – косметики, *Сайга* – оружия. Прагматонимы и эргонимы участвуют не только в семантической, но и в грамматической трансонимизации (*ГАЗ-стартер*, *Автоваз*, *Иж-Лада*), образовании имен-словосочетаний (*Запчасти для КАМАЗа*, *Все на УАЗ*).

На ижевских улицах можно увидеть названия магазинов, созданные на основе собственных имен произведений духовной деятельности человека. Все они связаны с явлениями массовой культуры, т.к. их адресат – широкая целевая аудитория. Вызывая воспоминания об объекте, носящем первичное имя, такие названия влияют на предпочтения потребителя, успешно выполняя аттрактивную и суггестивную функции (*Моя семья*, *Гудзонский ястреб*; ср. также созданное по известной модели *Особенности национального ремонта*). Благодаря ассоциативным представлениям, данные словесные знаки дают предварительную информацию о новом денотате: происходит познание неизвестного объекта через присвоенное ему известное имя. Например, названия *Погода в доме*, *Большая стирка*, *12 стульев*, *Убойная сила* указывают на предлагаемый ассортимент (соответственно товары для дома, бытовая химия, офисные стулья и оружие). Номинации *Чудо-остров*, *Маленькая страна*, *38 попугаев* сообщают о номенклатурной специфике (детские товары) через указание на потребительскую группу.

Все рассматриваемые названия магазинов – результат семантической трансонимизации, произошедшей на базе ИС-словосочетания. Несмотря на это общее качество, описываемые механизмы номинации коммерческого объекта разнообразны. Например, наименование *Маленькая страна* мотивировано только названием популярной песни, в которой говорится о детстве. Этого достаточно, чтобы оно было суггестивным и информативным одновременно. Название *Солнечный круг* имеет множественную мотивированность: во-первых, название песни Л. Ошанина, во-вторых, значение слова “солнечный” – “ясный, радостный, счастливый” [Ожегов, Шведова 1999: 745]. Положительные ассоциации вызывает, скорее, не соотносительность с антивоенной песней, а значение исходных апеллятивов. Суггестивность на-

звания *Убойная сила* создается первым мотиватором – названием сериала, а вот его информативность – доономастическим значением терминологизированного сочетания “убойная сила”. Данное название – результат сложных мотивационных связей. То же самое можно сказать о наименовании ювелирного магазина *Золото Маккены*: оно суггестивно, т. к. является результатом семантической трансонимизации на базе названия вестерна (США, 1969 г.), и информативно, поскольку в названии содержится прямое наименование “золото”.

Многие исследователи отмечают появление в постсоветское время огромного количества оттономических названий. Но в ономастическом пространстве Ижевска таких номинаций мало. Все эти названия имеют условную мотивированность (ср. случаи одноименности *Венера* – ткани и *Венера* – бытовая техника, *Ника* – одежда и *Ника* – книги), т.е. выбор теонима никак не связан со “специализацией” римского или греческого бога. Исключением является лишь фирменный магазин базы хлебопродуктов, которому дано имя богини плодородия и земледелия *Деметры*. Среди прочих имен объектов, созданных фантазией людей, внимание номинаторов привлекли лишь мифонимы *Адам и Ева*, *Феникс* и мифохремотоним *Арго*. В целом же причина выбора теонима или мифонима для называния магазина – “громкость”, благозвучность слова, т.е. его способность привлекать покупателей.

В поисках оригинальных названий номинаторы обращаются к онимам самых разных сфер: именам героев народного творчества (*Садко*), античной культуры (*Аякс*, *Одиссей*), авторских литературных произведений (*Хоттабыч*, *Чиполлино*, *Аэлита*), названиям мест действия в литературных произведениях (*Лимпопо*), кличкам животных – героев анимационных фильмов (*Том и Джерри*, *Симба*). Ассоциации с первоносителем имени делают эргоним не только привлекательным для потребителя, но и информативным (*Наф-Наф строитель* – отделочные материалы, *Нафаня* – товары для дома, *Папа Карло* – изделия из дерева, одноименные магазины *Мойдодыр* – один предлагает бытовую химию, другой – сантехнику). Интересны названия магазинов одного номенклатурного ряда *Левша* и *Емеля*. В основе первого – прозвище героя рассказа Н. С. Лескова, бла-

годаря которому в речь вошло выражение “тульский левша” – “умелый мастер, изощрившийся в тонкой работе” [Ожегов, Шведова 1999: 321]; в основе второго – имя героя русской народной сказки, который получает все “по щучьему велению, по моему хотению”. Таким образом, эти названия заключают в себе противоположные представления о способах взаимоотношений с миром и обеспечения жизненных благ.

Единичны наименования торговых предприятий на базе онимов других классов. Зафиксировано название, образованное от зоонима *Буренушка*. Для магазина, предлагающего “стильную одежду для полных дам”, использован хрононим *Ренессанс*. Связь между названием и объектом основана на представлении о женской красоте эпохи Ренессанса.

Как показало исследование, процессы трансонимизации в сфере эргонимии относятся к числу активных: так создается примерно пятая часть названий магазинов. Использование депроприативов для называния магазинов позволяет номинатору решить несколько задач: а) воздействовать на потребителя благодаря имени, первоносителю которого хорошо известен в данном социуме и имеет положительную эмоциональную оценку; б) охарактеризовать специализацию магазина через указание на денотат производящего имени; в) сообщить о качествах именуемого объекта: его местоположении (отурбанонимические названия) или принадлежности лицу (отантропонимические номинации); г) создать привлекательное, благозвучное название.

Список литературы

1. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., дополненное. М., 1999.
2. Отин Е. С. Материалы к словарю собственных имен, употребляемых в переносном значении // Вопросы ономастики. Собственные имена в системе языка. Вып. 14. Свердловск, 1980. С. 3-13.
3. Подольская Н. В. Проблемы ономастического словообразования (к постановке вопроса) // Вопросы языкознания. 1990. № 3. С. 40-53.
4. Современный словарь иностранных слов. М., 1992.

5. Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М., 2003.

3.

Региональная ономастика

С.Г. Шейдаева

СЕМЕЙНАЯ ТРАДИЦИЯ ВЫБОРА ЛИЧНЫХ ИМЕН

(по материалам метрических книг

Свято-Троицкой церкви села Бемыж)

Внимание исследователей не раз привлекала история села Бемыж Кизнерского района, вернее Бемышевского медеплавильного завода, основанного в середине XVIII в. купцами Осокиными (подробнее об этом [Шейдаева 1994; Шейдаева 1997]) и сгоревшего в конце XIX в. Известно, что первые кадры завода комплектовались из русских крепостных крестьян Кунгурских соляных промыслов, а с 50-х годов XIX в. сюда идут сезонники крестьяне и ремесленники из дальних мест.

Во второй половине XVIII в. здесь прошли первые крупные волнения “рабочих людей”, которые не утихали и на протяжении всего XIX в. Сохранился доклад земского исправника, где он писал о том, что бемыжане во всём держат согласие и решают вопросы сообща; и это несмотря на то, что их наказывали розгами, сажали в елабужскую тюрьму, отправляли в арстантские роты. В конце концов самую организованную часть работников вместе с семьями переселили на Урал, однако вскоре почти все они самовольно вернулись обратно. После отмены крепостного права численность работающих была крайне неустойчивой и быстро шла на понижение, в связи с чем стали всё больше привлекать людей со стороны. В 1874 г. в числе мастеровых и чернорабочих было 165 выходцев из других губерний [Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии 1981: 106].

Население Бемыжа всегда заметно отличалось от жителей соседних сёл и деревень по внешнему облику (светловолосые, светлоглазые), по национальному составу (село было известно как “чисто русское”), по языку (говор коренных бемыжан в основе своей среднерусский). Всё это позволяет рассмотреть основные черты традиционного русского именника и, в частно-

сти, закономерности выбора личных имен в русской культуре на материале “Метрических книг” Свято-Троицкой церкви села Бемыж.

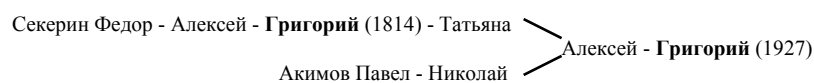
Одной из форм хранения культуры народа является родословная, а ключ к ней - личные имена и фамилии людей. Родословная (родословие, родословец, родословник; генеалогия) - это списки членов одной фамилии (рода) или нескольких, по порядку нисходящих колен [Родословие 1899: 919-920]; систематический перечень поколений одного рода, устанавливающий происхождение и степени родства. Метрические книги - надежный источник составления родословных и изучения русских традиций именования.

При изучении записей в метрических книгах Свято-Троицкой церкви и соотнесении их с более поздними данными (воспоминания жителей, документы советского периода, современный именной) наше внимание привлекла следующая закономерность: в одном и том же роду с интервалом в столетие фиксируются носители с идентичными формулами имени и отчества. Например, в родословной “Секериных - Акимовых” (коренная бемыжская женская ветвь + мужская, пришлая ветвь в 60-х гг. XIX в. из г. Елабуги): Григорий Алексеевич Секерин (1814 г. р.) и Григорий Алексеевич Акимов (1927 г. р.); Татьяна Григорьевна Акимова (в девичестве Секерина, 1849 г. р.) и Татьяна Григорьевна Акимова (1958 г. р.). В первом случае полное именование повторилось в роду через 113 лет, во втором - через 99.

Среди разных признаков, которые мотивируют наречение человека именем, на одном из первых мест в православном именнике стоит “семейная традиция: предания семьи, ближайшего окружения” [Гречко 1995: 144]. В “парадигме” собственных имен рода “Секериных - Акимовых” доподлинно известно, что Татьяна (1958) была названа в честь бабушки Татьяны Михайловны (в девичестве Федотовой), а Григорий (1927), как можно предположить на основании исследования “Метрических книг”, - в честь деда Григория (1814) по материнской линии.

Случай с двумя Григориями (годы жизни 1814-1886 и 1927-1975) - более ранний; у обоих отцов звали Алексеями: один из ветви Секериных - Алексей Федорович (1790-1850),

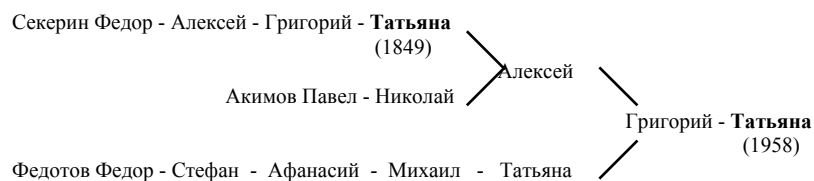
другой из Акимовых - Алексей Николаевич (1886-1964). Произошло “скрещивание” не только двух родовых ветвей, но и двух самостоятельных именованных:

Можно с уверенностью предположить, что поскольку имя Григорий в именнике ветви Акимовых ни разу в “Метрических книгах” до этого не зафиксировано (среди 15 “душ мужского пола”), данное имя было привнесено из женской ветви, где из 7 потомков “праотца” Федора - два Григория. Обратим внимание и на показательное “равновесие” (гармонию родословной):

Алексей - Григорий - (Татьяна) - Алексей - Григорий.

Татьяна Григорьевна (1958) была названа по имени Татьяны Михайловны (1886), а совпадение формулы “имя + отчество + фамилия” произошло через поколение:

Закономерность повторов: *Алексей - Григорий - Татьяна - Алексей - Григорий - Татьяна.* В женском именнике выбор имени для дочери отцом был мотивирован именем его матери, однако его бабушка также звалась Татьяной (что неудивительно). Правило выбора имени через поколение (от бабушки - к

внучке) пересеклось с двумя тенденциями - частотностью данного имени в русской традиции и правилом повторения мужского имени через поколение (от деда - к внуку).

“Для того чтобы представить именованность различных синхронных срезов и особенно его динамику, - пишет Бондалетов, - нужны сплошные обследования за длительное время в пределах одной территории или населенного пункта. Но найти город, по которому бы имелись метрические записи из года в год, почти невозможно” [Бондалетов 1983: 114]. “Метрические книги” Свято-Троицкой церкви села Бемыж - редкое исключение из этого правила и бесценный источник сведений о прошлой жизни народа, нормах общественного поведения и традициях русского именованности.

Список литературы

1. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М., 1983.
2. Вопросы социально-экономического и культурного развития Удмуртии в XVII - первой половине XIX вв. Ижевск, 1981.
3. Гречко В. А. Теория языкознания. Нижний Новгород, 1995. Ч. 2
4. “Метрические книги” Свято-Троицкой церкви Бемышевского завода Елабужского уезда Вятской губернии за 1825-1902 гг. (фонд 72, опись 1, ед. хр. 66) (ЦГА УР).
5. Родословие // Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб., 1899. Т. 26-а.
6. Шейдаева С. Г. Материалы диалектологических экспедиций как источник по истории, этнографии и лингвистике // История и культура Волго-Вятского края. К 90-летию Вятской ученой архивной комиссии. Киров, 1994. С.300-302.
7. Шейдаева С. Г. “Украина” и “Польша” Бемыжа // Известия Удмуртской Республики. 1997 г. 20 декабря.

О. В. Чучкова
СОСТАВ И МОТИВИРОВАННОСТЬ
ЛИЧНЫХ ИМЕН ЖИТЕЛЕЙ СЕЛА БЕМЫЖ
КИЗНЕРСКОГО РАЙОНА

Получая имя, ребёнок автоматически включается в определённую культуру, становится представителем определённой нации. По словам Бориса Хигира, имя “является чем-то вроде невидимой национальной одежды” [Хигир 2007: 52]. У каждого народа в определённую эпоху существует свой уникальный антропонимикон.

Мы изучили состав русского именника на материале села Бемыж Кизнерского района. В ходе изучения решались следующие задачи:

- определить динамику развития сельского именника на протяжении XX - XXI вв.;
- проследить, как отразилась история села и история страны на составе антропонимикона села Бемыж;
- выяснить основные мотивы выбора личного имени.

Нами были исследованы сельские “Похозяйственные книги” за три последних года. В этих книгах содержится основная информация о всех хозяйствах села. Для нас был интересен составы семей, даты рождения их членов. Было зафиксировано 1156 имён. Их носители – представители возрастных групп 1900 - 2007 годов рождения, что позволило пронаблюдать за динамикой развития русского именника на протяжении века.

На наш взгляд, возможно выделение следующих этапов в истории формирования сельского именника: дореволюционный (1900-1917), послереволюционный (1918-1945), послевоенный (1946-1964), “застойный” (1965-1990), постсоветский (1991-1999), современный (2000-2007).

Дореволюционный период. Основной состав сельского именника – канонические имена, в настоящее время практически не употребляющиеся: *Агриппина, Варвара, Васса, Домна, Евдокия, Ефросинья, Клавдия, Марфа, Матрёна, Прасковья, Се-рафима*. Тот факт, что эти имена мы находим в списке имён ра-

зового употребления, говорит о постепенной утрате их русским антропонимиконом.

Послереволюционный период. Великая Октябрьская революция качественно обновила русский именной. По словам В. А. Никонова, “борьба в 20-30 годы против старых имён сокрушила косный именной, властвовавший несколько столетий” [Никонов 1970: 35]. Однако в то время как в городе антропонимикон пополнялся новообразованиями и заимствованиями, в деревне происходили несколько иные процессы: именной села Бемыж постепенно утрачивал доминирующие ранее крестьянские имена (*Агриппина, Евдокия, Клавдия, Матрёна*) и приобретал немислимые до этого момента господские имена (*Александра, Анна, Валентина, Екатерина, Елизавета, Мария, Наталья, Ольга, Тамара*). Причём именно бывшие “господские имена” мы находим среди частых имён: *Анна (11,84%), Мария (10,53%), Екатерина (7,89%)*.

Послевоенный период. Антропонимикон пополняется новыми именами, появление которых связано с Великой Октябрьской революцией. Отмечаются такие имена, как *Роза, Светлана*. Широкое распространение имени *Нина* можно объяснить его созвучием с новоизобретённым именем *Нинель* (от Ленин). Имя *Нинель* было не совсем характерно для деревни. Частотность употребления имени *Владимир*, скорее всего, связана с именем “вождя революции”. Таким образом, мы наблюдаем существенное отставание именника деревни от городского именника: оно составляет около двадцати лет. Заметим, что, несмотря на пополнение именника, он не отличается разнообразием. Изменения русского именника, связанные с Великой Октябрьской революцией, практически не коснулись села Бемыж.

Особо отметим имена *Любовь, Надежда*, которые попали в число частых в этот период (среди частых имён мы не найдём их ни “до”, ни “после”). Вероятно, прозрачная семантика имён - обозначение человеческих чувств - способствовала их выбору. Подавленное настроение, связанное с разрушениями, принесёнными Великой Отечественной войной, можно было победить, “надеясь и любя”. Дети, рождённые в послевоенное время, символизировали эти чувства. С верой в светлое будущее, возможно, связано распространение имени *Светлана*.

Заметим, что в именнике данного периода мы не находим бывших крестьянских имён, за исключением единичного употребления имени *Анастасия*, что свидетельствует об окончательной утрате этих имён русским именником.

“Застойный” период. Наблюдаем так называемый “застой” и в именах. Этому способствует частая повторяемость таких имён, как *Наталья (14,18%), Ольга (10,45%), Татьяна (8,96%), Светлана (7,46%), Анна (7,46%), Елена (5,97%), Екатерина (5,22%), Любовь (4,48%); Сергей (20%), Александр (11,5%), Алексей (11,5%), Андрей (8,48%), Николай (5,45%), Владимир (4,24%)*. Эти имена составляют более 60% всего именника данного периода. Необходимо отметить, что к концу этого периода начинают появляться имена, не встречающиеся до данного момента в составе сельского антропонимикона (*Анжела, Анжелика, Венера, Вероника, Виктория, Лилия, Юлия*).

Постсоветский период. Можно сказать, что “оттепель” в сельском именнике, начавшаяся в предшествующий период, продолжается с большей интенсивностью. Наряду с продолжающимися оставаться частотными в употреблении именами *Наталья, Светлана*, в именник проникают новые и заимствованные имена (*Альбина, Марианна, Полина*), возвращаются имена, характерные для начала XX века (*Александра, Анастасия, Евгения, Ксения, Тамара*).

Современный период - период “расцвета” бемыжского именника. Имена здесь в несколько раз разнообразнее, чем в послереволюционный период, который, как известно, характеризовался “антропонимическим половодьем”. Возможно, это связано с поздним влиянием Великой Октябрьской революции в связи с отдалённостью населённого пункта от города: “антропонимическое половодье”, начавшееся после революции, только сейчас достигло деревни. Однако это маловероятно, поскольку, несмотря на небольшое количество изменений после революции, можно говорить об их значимости в процессе формирования сельского именника. Таким образом, сельский именник подвергался слабому влиянию революционных событий на протяжении всего XX века. Вероятно, “пестрота” именника обусловлена свободой выбора, связанной с демократизацией общества, стремлением к индивидуализации. Заметим, что уже в

постсоветский период (1991-1990) сельский именник отличается разнообразием, чему способствовало стремление народа ко всему новому, необычному, связанное с началом нового века. На материале села Бемьж мы наблюдаем, что сначала именник отличается разнообразием, имена в большей степени выполняли различительную функцию, затем постепенно увеличивается количество повторяющихся имён, и к началу XXI века мы вновь сталкиваемся с общей тенденцией имён к уникальности.

Рассмотрим состав женского именника современного периода (конца XX - начала XXI вв.):

Около 35% составляют имена, образующие костяк антропонимикона XX века (*Анна, Галина, Елизавета, Ирина, Мария, Надежда, Татьяна*). Обращение к этим именам, думается, связано с традицией, в первую очередь, с именованием в честь родственников.

Около 17% - старые имена, вернувшиеся из именника начала XX века (*Анастасия, Дарья, Ксения, Ульяна*). Именование старым именем, “вынутым из бабушкиного сундука”, - один из способов индивидуализации.

Около 23% - новые имена (*Алёна, Виктория, Кристина, Полина, Регина, Снежана, Яна*).

Около 15% - заимствованные имена (*Алина, Анжелика, Диана, Карина, Оксана, Эвелина*).

Особо отметим единичное употребление имени *Милена*. *Милена* – древнерусское имя. За последние десятилетия в Бемьже это первое обращение к древнерусскому именнику. Правда, сегодня это имя не осознаётся как древнерусское (от “милый”). Скорее всего, номинатора привлекла необычность имени.

В состав бемьжского антропонимикона попало необычное имя *Русалина*. Необычность заключается в отсутствии этого имени в словарях русских имён (в частности, его нет в словарях А. В. Суперанской и Н. А. Петровского [Петровский 2000; Суперанская 2005]). Таким образом, мы сталкиваемся с новообразованием, возникшем буквально на наших глазах. Так в 2006 году родители назвали свою дочку, создав специально для неё новое имя или позаимствовав его “со стороны”. В словарях мы находим имена *Русана* и *Руслана*, возможно, вскоре там появится имя *Русалина*.

Мы видим, насколько разнообразен именник села в настоящее время. Он “пестрит” именами, нехарактерными для предшествующих периодов. В связи с этим заметим, что отставание деревенского именника от городского значительно сократилось и его практически не существует на данный момент. Скорее всего, это связано с проникновением СМИ в деревню, с их общедоступностью. Нежелание деревенских жителей отставать от города способствует появлению необычных имён и в деревне.

Обратимся к вопросу, чем обусловлен выбор того или иного имени. Мы провели опрос сельского населения, наши анкеты заполнил 271 человек. Исследуя материалы, мы пришли к выводу, что в наши дни именование новорожденных в большинстве случаев происходит в соответствии с уже сложившимися традициями.

Излюбленный способ именованя – **именование в честь другого человека**. Можно выделить несколько основных мотивов. Ведущий мотив – *мотив семейной принадлежности*, т. е. именование в честь родственника. Интересные результаты получаем при сопоставлении мотивировок выбора мужских и женских имён. Так, 45,95% мужского населения получили свои имена в честь родственников (отца, бабушки, прабабушки, дяди; особый случай – именование в честь сестры: “*имя Виктор дали, так как старшую сестру зовут Виктория*”), тогда как процент женского населения с такими именами составляет всего 28,75%. Таким образом, мужской именник более консервативен, возможно, в связи с представлением населения о передаче традиции по мужской линии.

Единично *именование в честь друга/подруги*.

Встречаются *именования в честь знаменитого человека*. Среди женских имён оно наблюдается один раз. В мужском антропонимиконе процент таких имён составляет 4,5%. Именование в честь *Юрия Гагарина, Владимира Ильича Ленина* – явление в определённое время распространённое на уровне страны. Выбор имени в честь *Дмитрия Маликова* – единичное явление, объясняемое, возможно, симпатией мамы родившегося (она является номинатором) к этому певцу. В 1968 году *Людмила* получила своё имя в честь конькобежки *Людмилы Титовой*, кото-

рая в день её рождения выиграла Золотую медаль на Олимпиаде. В этом случае выбор обусловлен не столько именем спортсменки, сколько событием, совпавшим с днём её рождения. При выборе имён для мужского населения, более чем для женского, характерна отсылка к авторитету.

Практически равны в процентном соотношении мужские и женские **именования в честь литературного героя или героя кино** (около 1,8%).

Отметим отдельно мотивировки, характерные исключительно для женского населения:

- **в честь акушерки** (1,25%);
- **в честь “соседской” девочки** (1,9%);
- **в честь бывшей жены или возлюбленной** (3,75%).

Номинаторами, как правило, являются либо отец, либо брат.

Ещё один из способов именования – **случайное наречение** (иными словами, выбор имени по принципу “нравится” - “не нравится”). Процент таких имён среди женского населения несколько больше, чем среди мужского (женские имена – 40,63%, мужские имена – 34,23%). Больше половины опрошенных мотивировали случайный выбор имени словом “понравилось”. Остальная часть анкетированных попыталась дать обоснование своему выбору, приводя следующие мотивы:

- **редкое имя.** То, что эта мотивировка встречается только в последние годы, свидетельствует о стремлении к индивидуализации в настоящее время, о чём говорилось выше;

- **модное имя.** Мотивировка, характерная для “застойного” периода;

- **красивое имя.** Этой мотивировкой руководствуются при выборе таких имён, как *Елена, Татьяна*;

- **простое имя.** Характеризует имена *Елена, Сергей*;

- **сочетаемость с отчеством**;

- **семантика имени.** Это касается в основном таких имён, как *Надежда* (“надежда на Надежду” или “надеялись на рождение сына”), *Любовь* (“чтобы всю жизнь была любá” или “в честь самого прекрасного чувства на земле”), *Светлана* (“чтобы жизнь была светлая”), *Роза* (“в честь цветка”);

- **этимология имени.** Например, *Владимир* – “владеет миром”, *Виктор* – “сильный”;

- *отсутствие имени в семейной родословной;*

- *имя подходит ребёнку.* Эта мотивировка встречается один раз. Если бы это было имя с прозрачной семантикой (как, например, в Древней Руси имя давали по внешним признакам: Беляй, Черныш), мы могли бы принять эту мотивировку, но, поскольку она относится к имени *Ксения*, её отнесение к мотивам выбора имени, на наш взгляд, является сомнительным.

Мотив христианской традиции (именование по святым) в течение XX века встречается редко: трижды при выборе женского имени и один раз при выборе мужского имени.

Отметим отдельно необычные мотивировки:

- *имя приснилось во сне;*

- *в честь куклы* (так назвала девочку её старшая сестра);

- *имя из песни* (*Любовь* – “Куба – любовь моя, Люба – любовь моя”, *Лилия* – из песни “Лилия”, *Наталья* – “Мужичок с гармошкой, поиграй немножко, только от души Наташку рассмеша”; эта песня звучала, когда позвонили из роддома и сообщили о рождении девочки).

Такие необычные мотивировки встречаются при выборе женских имён.

Мы не можем говорить об объективности собранных нами данных, поскольку мотивы выбора имени, названные опрашиваемыми, не всегда можно считать истинными. В некоторых случаях произошло переосмысление первичных мотивировок. Например, имя, данное в 1956 году, сопровождается мотивировкой “в честь Юрия Гагарина”. Но, как известно, Юрий Гагарин стал известен всей стране после полёта в космос, который он совершил в 1961 году. Кроме того, 13,65% всех опрашиваемых не знают, чем обусловлен выбор их имени (процент женских имён, выбор которых ничем не мотивирован, несколько выше процента мужских имён).

Несмотря на эти оговорки, мы можем сделать следующие выводы:

1. Выбор мужских имён мотивирован в большей степени, чем выбор женских имён, т. е. большая часть мужского населения знает причину, по которой ему дано его имя.

2. Выбор мужских имён в большей степени обусловлен семейной традицией.

3. Мотивировки выбора женских имён разнообразнее мужских.

Наряду с разнообразием мотивировок при выборе женского имени, мы сталкиваемся с большим разнообразием в составе женского именника по сравнению с мужским: количество женских имён, использованных для наименования в течение XX века, в 1,5 раза превышает количество мужских имён (заметим, что женское и мужское население в Бемыже приблизительно равны в количественном отношении).

Таким образом, мы можем говорить о мужском и женском именниках как именниках, нуждающихся в независимом друг от друга рассмотрении, поскольку их развитие идёт в разных направлениях. Мужской именник стремится к стабильности, женский именник, напротив, находится на пути обособления от именников прежних периодов.

Список литературы

1. Никонов В. А. Задачи и методы антропоники // Личные имена в прошлом, настоящем и будущем. Проблемы антропоники. М., 1970. С. 33-47.
2. Петровский Н. А. Словарь русских личных имён. М., 2000.
3. Суперанская А. В. Словарь русских личных имён. М., 2005.
4. Хигир Б. Как правильно выбрать имя. – М., 2007.

Д. А. Вараева

КОНЦЕПТ “СЕМЬЯ” КАК СОСТАВЛЯЮЩАЯ РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

**(на материале романа П. И. Мельникова-Печерского
“В лесах”)**

Россия за долгое время своего существования пережила немало потрясений. Иногда исторические события значительно изменяли уклад жизни русского народа, формировали новое видение мира. Но, как бы не менялись историческая и социальная

ситуации, некоторые элементы картины мира сохранились и теперь осознаются как устойчивые, присущие именно русской культуре и отличающие ее от других. Эти устойчивые представления, или константы, образуют концептосферу этноса и выражаются в языке. Одной из таких констант русского языкового сознания является концепт “семья”.

В современном понимании семья чаще связывается с биологической семьей, а не с семьей, понимаемой как “группа людей, спаянных дружбой, объединённых общей деятельностью, общими интересами”, что подтверждается данными ассоциативного словаря Ю. Н. Караулова [Русский ассоциативный словарь 1998]. Одиннадцать из тридцати восьми названных ассоциаций непосредственно относятся к биологической семье, среди них такие, как *мама; очаг; семь я; дом и семья; домашний уют; мать; папа, мама, я; Карамазовы*. Для нас интересно появление в ряду ассоциаций имени литературных персонажей – семьи Карамазовых. Некоторые, особо значимые, вошедшие в историю литературные произведения участвуют в формировании исторического слоя концептов; например, роман Ф. М. Достоевского “Братья Карамазовы” внёс вклад в представление русского человека о семье. Это происходило и с другими произведениями, авторы которых обращались к теме семьи. Так, теме семьи посвящена диалогия писателя третьей трети XIX века П. И. Мельникова-Печерского “В лесах” и “На горах”.

Имя П. И. Мельникова-Печерского не известно так, как имена Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, Н. С. Лескова, хотя все эти писатели жили в одну эпоху. Творческое наследие его еще не исследовано, и до сих пор не определено место в литературном процессе.

Его первые литературные опыты оказались неудачными, и писатель не писал двенадцать лет. За это время он сделал неплохую карьеру на государственной службе, и вряд ли бы кто-то мог предположить, что П. И. Мельников-Печерский еще вернется в литературу с одним из лучших произведений о российской жизни - с диалогией “В лесах” (1871-1875) и “На горах” (1875-1881).

Будучи чиновником министерства внутренних дел, П. И. Мельников-Печерский занимался делами, связанными с

историей раскола Православной церкви и старообрядчеством. Он изучал быт и нравы русской провинции, работал в архивах. Это позволило ему увидеть ту русскую жизнь, которая не могла открыться писателям, прожившим большую часть жизни в Петербурге или Москве, создать картину народной русской жизни середины XIX века и показать аксиологическую систему русского народа.

Помещая в центр своей диалогии семью старообрядцев, П. И. Мельников-Печерский изобразил не только повседневную жизнь конкретной семьи, но и дал читателям представление о тех ценностях, которыми русский народ жил на протяжении многих веков. Уже первый роман “В лесах” привлекает исследователя лингвокультурных концептов, поскольку некоторые константы русского языкового сознания проявлены в произведении очень ярко. Так, интересующий нас концепт “семья” является в романе одним из основных.

Несмотря на то, что П. И. Мельников-Печерский описывал старообрядческую семью, на основании анализа его произведения мы можем говорить о представлениях о русской семье в целом: в середине XIX века, когда происходит действие романа, особых различий в быту старообрядцев и других православных уже не существовало. Пожалуй, самым ярким отличием было более усердное исполнение религиозных обрядов и сохранившаяся строгость во взглядах на жизнь. Однако некоторые изменения в среде старообрядцев все же происходят:

В самом деле, Патап Максимыч никогда не бывал изувером, сам частенько трунил над теми ревнителями старого обряда, что покроем кафтана и число на нем пуговиц возводят на степень догмата веры. Не гнушался и табашниками, и хоть сроду сам не курил, а всегда говаривал, что табак зелье не проклятое, а такая же божья трава, как и другие; в иноземной одежде, даже в бритье бороды ереси не видал, говоря, что бог не на одежду смотрит, а на душу.

Сами старообрядческие скиты нередко служат спасением для обесславленных девушек. Сама мать Манефа скрылась в скиту от родительского гнева и тайно родила там дочь.

Проанализировав контексты с лексемами, входящими в номинативное поле концепта “семья” (например, *семейство род, род-племя*), можно сделать выводы о традиционных чертах русской крестьянской семьи. Остановимся на некоторых текстовых примерах.

*Не побрел заволжский мужик на заработки в чужую дальнюю сторону, как сосед его вязниковец, что с пуговками, с тесемочками и другим товаром кустарного промысла шагает на край света **семье** хлеб добывать.*

*Больших барышей ему не нажить; и за Волгой не всяк в "тысячники" вылезет, зато, как ни плоха работа, как работников **в семье** ни мало, заволжанин век свой сыт, одет, обут, и податные за ним не стоят.*

*Патап Максимыч **с семьей** старинки придерживался, раскольничал, но закоснелым изувером никогда не бывал.*

***Семья** была у него небольшая, сам с женой да две дочери.*

*Своя кровь - **из роду** не выкинешь.*

*Велик перед богом грех родного человека из дому выгнать, - молвил Патап Максимыч, - от людей зазорно, **роду-племени** покор!*

*И все **семейство** Чапуриных души не чаяло в доброй, всегда веселой, разговорчивой Никитишне.*

*Не легко человеку впервые оставлять теплое **семейное гнездо**, идти в чужие люди хлеб зарабатывать.*

*Ведь это, значит, с нынешнего дня он, как Савельич, и обедать с нами будет и чай пить, а куда отъедет Патап Максимыч, он один мужчина **в семье** останется.*

*Да скорее в землю живую ее закопаю, чем такое бесчестье на **род-племя** приму...*

Из этих и других им подобных контекстов ясно, насколько важна была для членов русской семьи “жизнь вместе”, когда младшие подчиняются старшему мужчине, обеспечивающему семью (хозяину, отцу, которого называют “сам”): *Патап Максимыч **с семьей**; **семья** была у него небольшая, сам с женой да две дочери.* Члены семьи разделяют одни взгляды на жизнь и

чтят семейные традиции. Они вместе работают и живут сплоченно в любви и согласии, отчего семья осознается как неделимая социальная группа, где человеку хорошо, откуда не хочется уходить (*как работников в семье ни мало; все семейство; не легко человеку впервые оставлять теплое семейное гнездо*). Нельзя запятнать честь своей семьи недостойным поступком, тем более – ославить весь род, принять позор от людей (*от людей зазорно, роду-племени покор; бесчестье на род-племя*). Так, Настя Чапурина переживает не только любовную трагедию. Её мучает душевный разлад из-за того, что совершенный ей поступок не был бы одобрен людьми, поэтому героиня вынуждена скрывать своё бесчестье и переживать тайно ощущение позора, боясь огласки, позора для семьи.

П. И. Мельников-Печерский показал, как в середине XIX века человек пытается выйти из традиционных границ семьи, жить в соответствии с теми законами, которые диктует время. Страсть к наживе, стремление к богатству, честолюбие толкают героев на низкие поступки, и им нет оправдания. Если же герой совершает ошибку, переступая нормы, принятые в обществе, его осуждают, но в семье он может найти поддержку. Настя Чапурина, страдающая от совершенного греха, рассказывает всё матери, поскольку это самый близкий ей человек, который в любом случае поможет дочери. Настю прощает даже отец, гнева которого бояться все знающие его люди.

- Прости меня, тятя... Согрubiла я перед тобой...

- Не поминай, Настенька, не поминай, господь простит...- заливаясь слезами и наклоняясь к дочери, проговорил Патап Максимыч.

- Горько тебе... Обиду какую я сделала!.. - жалобно продолжала Настя.

- Полно, забудь...- молвил Патап Максимыч. - Выздоровливай только... К чему поминать?..

Сиротство – самая страшная беда, которая может случиться с человеком. Интересно, что в романе “В лесах” много героев-сирот, и судьбы их складываются по-разному. Так, сирота Груня, “богоданная дочка” Патапа Максимовича Чапурина

выходит замуж за уже немолодого вдовца, потому что она жалеет его маленьких детей, оставшихся без матери. Груня не понаслышке знает, что такое сиротство, и потому становится ласковой матерью для чужих детей, проявляя милосердие и любовь к человеку вообще, вне зависимости от того, родной он или нет. Подруга Насти Чапуриной Фленушка приходится родной дочерью матери Манефе, сестры Патапа Максимовича Чапурина, то есть Фленушка и Настя – кровные сёстры. Еще одна сирота – любимая всеми Чапуриными старушка Дарья Никитишна, крёстная мать Насти.

Патап Максимович Чапурин помогает этим сиротам устроить свою жизнь. Они оказываются включенными в семейные отношения: либо находят родных, либо обретают близких по духу людей, с которыми создают свою семью, находя счастье в семейной жизни. Ведь именно в семье человек может найти опору, пережить все житейские невзгоды.

Семейная жизнь оказывается для главных героев идеалом. Отрицательные персонажи не создают семью, они “наказаны” автором и обречены на одинокое существование. Роман заканчивается родительским прощением и свадьбой младшей дочери Патапа Максимовича Чапурина Параша. После всех испытаний и бед, выпавших на долю семьи Чапуриных, восстанавливается гармония, и жизнь входит в привычное русло. В роду образовывается еще одна семья, которая будет жить по законам, заведенным предками. И подтверждается мысль П.И.Мельникова-Печерского, что *“Русскому человеку нет ничего на свете дороже любви родительской, нет ничего краше семейного лада...”*.

Список литературы

1.Русский ассоциативный словарь. Книга 5. Прямой словарь: от стимула к реакции. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть III / Караулов Ю.Н. и др. М., 1998.

2.Русский ассоциативный словарь. Книга 6. Обратный словарь: от реакции к стимулу. Ассоциативный тезаурус современного русского языка. Часть III / Караулов Ю.Н. и др. М., 1998.

Н. Н. Данилова
ОТРАЖЕНИЕ МИРОВОСПРИЯТИЯ
ЖИТЕЛЕЙ Д. КУКУИ ВОТКИНСКОГО РАЙОНА
В СЕМАНТИКЕ МИКРОТОПОНИМОВ

Топонимия хранит в себе сведения о духовной культуре людей. Комплексное рассмотрение топонимов в их взаимосвязи с этническим самосознанием может привести к выявлению особенностей национальной культуры, менталитета, истории народа.

Для нас интерес представляет топонимическая система д. Кукуи Воткинского района УР. Первоначально это был починок Кокуев. Название “починок”, которое сейчас встречается уже достаточно редко, раньше было широко распространено и обозначало небольшое сельское поселение, включавшее от трёх до пятнадцати дворов. Название починка “Кокуев” происходит от слова “Кокуй” - кокошник. Второе значение этого слова - день или место празднования языческого общеславянского праздника Ивана Купала. Старожилы села Кукуи (так изменилось название в советское время), помнят, что их прадеды бежали от притеснения властей и поселились здесь, на берегу Малой Вотки. Вновь созданному поселению они дали то же название, что и было у них на старом месте жительства. Но район, откуда они бежали, в памяти старожилов не сохранился.

Жизнь в деревне была тесно связана с лесом. Лес кормил, согревал, лечил. Здесь собирали ягоды и грибы, которые росли в определенных местах. Все ягодные и грибные места имели свои названия.

Группа дримонимов (названий участка леса) представляет для нас наибольший интерес. Человек, окруженный могущественными, грозными и непонятными явлениями природы, видел в них живые сверхъестественные существа. Он одухотворял реки, горы. Это проявление первобытного анимизма. Следы его ощутимы и сейчас в топонимии, хотя не дают возможности установить, отождествляли ли называвшие географический объект со сверхъестественным существом, или видели в объекте место жительства этого духа. Например: дримоним *Шамай Колдун* –

название части леса. Шамай – прозвище бывшего жителя д. Кукуи. По словам информантов, он был язычником. В определенные дни в этом лесу им совершались жертвоприношения. Местные жители считают, что после смерти душа Шамаи поселилась в этом лесу, поэтому приписывают данному объекту мифические свойства.

В современной топонимии есть табуированные названия, например, дримоним *Маленький лесок*. Местные жители утверждают, что здесь живет “дух” и в этом лесу плутают, пока обувь слева направо не переобуют или в дар что-нибудь не оставят. Страшное название этому леску давать нельзя, т.к. он находится рядом с деревней, а если назвать как-нибудь по-страшному, “дух” может начать ходить в деревню.

Не менее любопытен для анализа дримоним *Коровье кладбище*. При опросе информанты говорили, что это одно из страшных мест в лесу: здесь хоронили умерших колхозных животных.

Дримоним *Чертово место* представляет собой название лога, ни один из информантов не смог объяснить, почему дана такая номинация, но тем не менее все считают его страшным местом.

Дримоним *Ирымытысьес* (удм. *иры* - голова, *мытысьес* - кружение) - “головокружительное место”. В деревне много таких мест, где кружится голова, жители их знают и стараются не посещать.

Дримоним *Сосняк* относится к лесу, в котором, по словам местных жителей, живет леший либо кто-то из нечисти. В качестве доказательства приводят примеры своего блуждания в этом лесу. Хотя летом многие ходят туда за земляникой, а молодежь - жечь костры, тем не менее и по сей день жители продолжают утверждать, что в сосняке кто-то живет.

Кроме названия участков леса, местные жители наделяют мифическими свойствами еще один объект - *Петькин мост*. Название было дано в память о местном жителе, который разбился на этом мосту. Здесь часто случаются аварии, люди считают, что это душа покойного не находит себе места.

Подобные названия могли возникать и по другим причинам. Во многих случаях налицо типичный “топонимический

миф”. Мифонимия – это своеобразный сектор ономастического пространства, созданный наподобие реальной его части. В него входят именованья людей, животных, географических и космографических объектов, различных предметов и т.п., в действительности никогда не существовавших [Суперанская 1973: 180].

Номинация топообъектов – это осознанный и целенаправленный номинативный акт, сопровождаемый субъективными и личностными факторами. Рассмотренные нами названия представляют собой отражение менталитета, систему ценностей этнического коллектива в определенный исторический период.

Список литературы

1. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М., 1973.

М. Н. Максимова **ДУХОВНЫЙ МИР** **ЖИТЕЛЕЙ ПОСЕЛКА БАЛЕЗИНО** **ПО ДАННЫМ ЗООНИМИЧЕСКОЙ ЛЕКСИКИ**

Духовная культура – это система ценностей, отражающих богатство духовной жизни общества и человека, принцип развития собственно духовной деятельности. К основным чертам духовной культуры относят ее неутилитарность (духовная культура по своей сути бескорыстна), чувствительность: она способна улавливать малейшие изменения в жизни людей и отзываться на них изменениями в себе), в духовной культуре человек по сравнению с другими областями культуры получает наибольшую свободу творчества и др. (см. [Кармин 2004].

Тема нашего исследования – духовный мир жителей пос. Балезино по данным зоонимической лексики. Зооним – собственное имя животного; к ним относятся и клички собак.

На протяжении 2006-2008 гг. мы собирали материал по кличкам собак в пос. Балезино, используя два метода сбора:

устный опрос и анкетирование. Анкетирование проводилось среди учеников 7-8 классов одной из бalezинских школ. В процессе исследования все клички (125 зоонимов, с вариантами – 169) были распределены по двум группам: а) клички, имеющие внутреннюю форму (их оказалось 47); б) клички, не имеющие внутренней формы (78). В каждой группе было выделено несколько подгрупп.

Мы обнаружили, что большое количество кличек взяты из телевизионных передач, художественных и мультипликационных фильмов - *Багира, Бим, Кеша, Мухтар, Рекс, Тарзан, Чип, Умка*. Это свидетельствует, на наш взгляд, об однообразии домашнего досуга жителей поселка.

Население России в целом нельзя сегодня назвать самым читающим в мире. Это проявляется и на лингвистическом уровне. Так, в собранном нами материале содержится лишь одна кличка, в основе которой лежит имя персонажа из художественного произведения, - *Капитанка*. Тогда как кличек, взятых из мультипликационных и художественных фильмов, – 15.

Большой интерес жители поселка, судя по собранному нами материалу, проявляют к эстраднему искусству. Собаки имеют следующие имена: *Линда (Линди, Линдик, Линдочка)* в честь певицы Линды, *Тутси* в честь группы Тутси, *Филька (Филля, Филюша)* в честь Филиппа Киркорова. Этот факт также имеет отношение к просмотру телепрограмм, так как знаменитости, в честь которых даны клички собак, воспринимаются, скорее, не как реально существующие люди, а как персонажи каких-либо телепередач.

Несомненен тот факт, что большинство бalezинцев в свободное время не читает книг, газет, журналов. Интернет, телевидение, даже мобильный телефон как источники информации сегодня более функциональны, чем книга, для тех, кто социально более динамичен, активен. Книга, особенно серьезная, требует значительных интеллектуальных усилий, в то время как просмотр телепередач выступает часто фоновым занятием, которое превращает телевизор в еще одного “члена семьи”, которому не нужно уделять специального внимания [Митрошенков 2005].

Однако не все жители поселка выбирают пассивную форму отдыха. В Балезино после 2003 года начал проявляться повышенный интерес к спорту, что связано со строительством спортивного комплекса и проведением республиканской олимпиады в 2003 г. Интерес к спорту отразился в выборе кличек собак: *Спартак* – кличка, данная в честь одноименной футбольной команды, *Тайсон* – кличка, данная в честь боксера.

Важные исторические события не оставляют равнодушным население. Смена политических деятелей, дефолт так же проявились на зоонимическом уровне. Так, уход в отставку Президента Российской Федерации – Бориса Николаевича Ельцина, вступление Джорджа Буша в должность Президента США в 2000 году отозвались в кличках собак – *Боря* (*Борик*, *Борис*, *Борька*), *Джордж* (*Джорджи*), *Черномырдин*; резкое обесценивание рубля по отношению к доллару, повышенный интерес к условным единицам – в кличках *Бакс*, *Доллар*.

При сборе материала нам встретились клички, связанные с иноязычной культурой (см. выше *Джордж*, *Бакс*, *Доллар*). Интересно отметить, что все подобные зоонимы связаны именно с американской культурой, например: собака *Блэк*, имеющая черный окрас (в переводе с англ. black – “черный”); *Хот-дог* и др.

Большое количество собак названы на основе ассоциативного мышления их хозяев. По данному принципу созданы следующие клички – *Марсик* (сравнение маленькой собаки с маленькой планетой Марс), *Шарик* (сравнение с воздушным шаром), *Лихтенштейн* (сравнение маленькой собаки с государством Лихтенштейн), *Лада* (сравнение с машиной “Лада” по принципу скорости перемещения) и др.

Фоносемантический анализ (см. [Журавлев 1974]) показал, что самые распространенные клички (*Мухтар*, *Жуля*, *Тузик*, *Шарик*) не несут в себе особого фонетического значения: символика звуков данных зоонимов находится в нейтральной зоне. То есть хозяева собак часто дают своим питомцам клички, которые не информативны с фонетической точки зрения.

Фонетический облик клички во многом зависит от отношения хозяев к собаке и от “функции” собаки: если собака является “членом семьи”, звуки в кличке чаще характеризуются как ‘хороший’, ‘нежный’, ‘красивый’, ‘веселый’, ‘радостный’ и т.д.

(например, *Альма*, *Линда*); если же отношение к собаке грубое, она воспринимается как животное, которое должно охранять имущество, звуки в кличке характеризуются как 'грубый', 'мужественный', 'храбрый', 'злой', 'могучий', 'подвижный' (*Кабздог*, *Капрая*). В некоторых случаях фонетический облик слова зависит от пола собаки.

В кличках, в составе которых имеются словообразующие суффиксы (например, -ик, -очк), стирается фонетическое значение начальной формы зоонима (например, *Линда* – 'хорошая', 'простая', 'красивая', 'гладкая', 'безопасная', 'яркая', 'радостная', 'добрая'; *Линдочка* – 'хорошая', 'красивая').

Таким образом, в результате анализа зоонимической лексики мы выяснили, что в пространстве духовной культуры жителей поселка Балезино наблюдается одомашнивание досуга (в системе ценностей на первом месте стоит просмотр телевизора), ориентация на западную культуру, интерес к политике, экономике, спорту; менее всего внимания уделяется чтению художественной литературы и книг вообще.

Список литературы

1. Журавлев А. П. Фонетическое значение. Л., 1974.
2. Кармин А. С. Культурология: Учебник. 3-е изд., стер. СПб., 2004.
2. Митрошенков О. А. Пространство российской духовной культуры: испытание переменами // Социологические исследования. 2005. № 11. С. 37-46.

М. А. Туканова

СТУДЕНЧЕСКИЙ ИМЕННИК В ДИАХРОНИИ

К исследованию развития антропонимических систем ученые обращались неоднократно, в связи с тем, что антропонимы теснейшим образом связаны с историей народов, их культурами. Среди исследований в области личных имен обращают на себя внимание работы, в которых рассматривается их динамика, показывается, что возможности именника на каждом историческом отрезке времени реализуются в сравнительно не-

большом количестве женских и мужских имен, с последующей частичной их сменой. Эта тема вызывает у ученых значительный интерес и исследуется в трудах В. Д. Бондалетова [Бондалетов 1970], Т. А. Коротковой [Короткова 1970], Г. И. Кондратенко [Кондратенко 1969], А. Я. Шайкевича [Шайкевич 1970], Р. В. Семенковой [Семенкова 1976] и др. В их работах изучаются русские именники Пензы, Свердловска, Ульяновска, Горького, Москвы, Саранска. Это региональные исследования, относящиеся в большинстве своем к середине XX в. В последнее время было мало публикаций, посвященных региональным именникам.

К сожалению, работ, анализирующих употребление русских имен в Удмуртии, нет, за исключением статьи Н. А. Прокуровской [Прокуровская 1995: 3–6], в то время как «описание антропонимии отдельного населенного пункта расширяет представление об особенностях антропонимической системы русского языка в целом, дает богатый материал для составления антропонимического атласа» [Силаева 1976: 84].

Целью данной работы является сравнение состава женских личных имен и их употребительности в различные хронологические срезы. В качестве первого хронологического среза взят женский именник студенток, учившихся в Удмуртском педагогическом институте в 30-60-х гг. XX века. В качестве второго – именник студенток, окончивших УдГУ в 2003-2004 годах.

В первом срезе насчитывается 3399 употреблений женских имен. В целом же их число равняется 221.

В ходе анализа выяснилось, что в 30-60-х гг. XX века в УГПИ из 221 женского имени наиболее частотными были следующие имена: *Валентина* (209 имяносителей), *Галина* (198), *Мария* (150), *Тамара* (149), *Людмила* (139), *Лидия/Лида* (109), *Маргарита/Рита* (105), *Анна* (96), *Зоя* (92), *Александра* (80), *Любовь* (80).

Несмотря на большой круг женских имен, использующихся в русском языке вообще, очевидно, что возможности языка не справляются с количеством денотатов: имена начинают повторяться.

В группу частых имен также можно отнести те женские имена, которые в списке встретились более пяти раз. Таких антропонимов насчитывается 87 единиц. *Раиса/Рая* - 72; *Надежда* - 72; *Вера* - 72; *Римма* - 68; *Антонина* - 64; *Клавдия* - 64; *Ольга* - 62; *Елена* - 54; *Зинаида* - 53; *Евгения* - 51; *Алевтина* - 50; *Ираида* - 50; *Екатерина* - 49; *Татьяна* - 48; *Светлана* - 45; *Юлия* - 43; *Елизавета* - 42; *Фаина* - 40; *Анастасия* - 32; *Таисья* - 32; *Диана* - 30; *Евдокия* - 30; *Капитолина* - 28; *Эмилия* - 25; *Августа* - 23; *Наталья* - 23; *Лариса* - 23; *Серафима/Сима* - 22; *Софья/Соня* - 20; *Анфиса* - 20; *Лилия/Лиля* - 20; *Нэлли* - 20; *Руфина* - 18; *Алла* - 18; *Ангелина* - 16; *Глафира* - 16; *Вероника* - 15; *Ирина* - 15; *Апполинария* - 14; *Варвара* - 13; *Агния* - 13; *Клара* - 13; *Альбина* - 12; *Эмма* - 12; *Генриетта* - 12; *Валерия* - 10; *Прасковья* - 10; *Ефросинья* - 10; *Ксения* - 10; *Дарья/Дария* - 10; *Майя/Мая* - 12; *Луиза* - 9; *Нинэль* - 9; *Инна* - 8; *Полина* - 8; *Инесса* - 8; *Лиля* - 8; *Люция* - 8; *Марина* - 8; *Муза* - 8; *Авдотья* - 8; *Эльвира* - 7; *Элеонора* - 7; *Агрипина* (в словаре *Агриппина*) - 7; *Эвелина* - 6; *Пелагея* - 6; *Эльза* - 6; *Василиса* - 5; *Фарида* - 5; *Нона* - 5; *Степанида* - 5; *Оксана* - 5; *Лина* - 5; *Анжелика* - 5; *Калерия* - 5; *Мауса* - 5.

Здесь дан перечень имен, вошедших в данную группу, с указанием количества употребления. Косой чертой отделены формы имен, рассматриваемые нами как варианты одного имени.

Далее, приняв количество всех носителей женских имен, зафиксированных в вузовской описи (3399) за 100%, мы рассчитали процент носителей каждого имени. Так, например, было выяснено, что имя *Валентина* носило 209 девушек, что составляет 6,15% от общего количества студенток, а такие имена, как *Степанида* и *Оксана* имеют 0,15% имяносителей.

Вторая группа имен – это женские имена, представленные в списке от двух до четырех раз: *Ариадна* - 3, *Аэлита* - 2, *Акулина* - 4, *Адель* - 2, *Аделаида* - 2, *Азалия* - 3, *Аза* - 4, *Агнесса* - 4, *Алина* - 2, *Анисья* - 4, *Амалия* - 2, *Аида* - 2, *Алиса* - 4, *Аграфена* - 2, *Бэлла* - 2, *Виктория* - 2, *Виолетта* - 2, *Венера* - 4, *Вилория* - 2, *Гертруда* - 2, *Дора* - 3, *Джанетта* - 4, *Жанна* - 2, *Ребекка* - 2, *Изабелла* - 2, *Иветта* - 3, *Иустинья/Устинья* - 2, *Идея* - 2, *Ида* - 3, *Иллария* - 4, *Ия* - 4, *Земфира* - 4, *Калиста* - 3, *Каролина* - 2, *Кира* - 3, *Лукиана* - 2, *Мирра* - 2, *Милиция* - 2, *Мадина* - 2, *Мат-*

рена - 2, Нина - 3, Павла - 2, Сана - 4, Ревмира -2, Розалия - 3, Сталина - 2, Сара - 4, Феодосия - 4, Фаузия - 3, Фелицата - 2, Фекла - 3, Флюра - 3, Хамида - 2, Харитина - 3, Олимпиада - 4, Эрна - 2, Юнгрета - 2. Всего данных имен насчитывается 57.

Выделим еще одну группу женских имен. Сюда вошли имена единичного употребления, то есть имена, зафиксированные в списке по одному разу. Их число равно 77. Это такие имена, как *Аманаика, Авиация, Аврора, Анвара, Антониан, Афана-сия, Альфреда, Аделина, Ада, Балкист, Берта, Воля, Васса, Гаухар, Гузалии, Гильхамия, Гафа, Гульзаннат, Градислава, Доло-ресса, Дема, Дарианна, Еза, Евсталия, Зара, Зульфия, Заира, Зуммара, Илиада, Ирма, Юлия, Ината, Идилия, Корнелия, Кле-опатра, Леонарда, Лаура, Лира, Маина, Мариам, Милана, Ми-рослава, Марионелла, Мариетта, Матильда, Мензиля, Маркел-лина, Марсельеза, Мальвина, Мачтура, Милитина, Нерисса, Наилия, Новелла, Октябрина, Радость, Регина, Розита, Резида, Риэтта, Рогнеда, Рахима, Рея, Сусанна, Физалия, Фелута, Фе-дора, Фина, Феклиния, Феофания, Фания, Христина, Хадим, Эстер, Эра, Эсфирь.*

Анализ имен с точки зрения их происхождения показал, что в исследуемом списке личные имена оказались довольно разнообразны. Помимо исконно русских и общеславянских, в их состав входит много заимствований из западных и восточных языков, а также специально придуманных. В настоящее время порой не ясно, какому языку эти имена первоначально принадлежали. Имена личные - это самые интернациональные слова. Они легко переходят от одного народа к другому и обычно распро-страняются далеко за пределы той территории, где когда-то жил создавший их народ.

Рассмотрев происхождение исследуемых личных имен по данным словаря Суперанской [Суперанская 2005], “Справоч-ника личных имен народов РСФСР” [Справочник личных имен 1989], мы разделили все личные имена на несколько групп: рус-ские календарные имена (109 единиц); собственно славянские имена (8); восточные имена (34); западные имена (42); имена, вошедшие в русский именник после революции 1917 года (28).

Выделим еще одну группу имен, отличающуюся от всех перечисленных выше. Они составляют 12,6% от всех изучаемых

нами имен (28 единиц). Это собственно новые личные имена, которые стали использоваться после революции 1917 года. В это время в русский именник стали проникать самые неожиданные антропонимы. Среди них оказались имена, образованные от нарицательных существительных без всяких грамматических изменений этих слов. Чаще всего для имен берут отвлеченные существительные, по значению связанные с революцией, со строительством социалистического общества. Так, например, справедливо считалось, что можно добиться огромных успехов при активном использовании достижений технического прогресса. В результате такого целенаправленного процесса и должна наступить “новая эра”. В связи с этим, слово “эра” приобретает идеологические коннотации, образовав имя Эра, которое мы находим в данном списке. В нашей описи присутствуют и такие имена, как *Аврора* (в честь известного крейсера), *Марсельеза* (по названию государственного гимна Французской республики). Это имена, образованные на базе революционной и научно – технической лексики.

Очень продуктивный в 20-30-е годы способ создания сложносокращенных слов коснулся не только нарицательных существительных, но и определил появление целого ряда необычных до того времени личных имен: *Вилория* - из начальных букв в сочетании “В.И. Ленин – организатор революции”; *Ревмира* - “революция мира”. Появилось имя *Нинэль*, образованное обратным прочтением фамилии Ленин с некоторыми изменениями.

Создавались также имена и на базе существующих. Имя *Юнгрета*, возможно, появилось под влиянием антропонима *Ингрета*, а имя *Марионелла* является производным от *Мария*. Антропоним *Милиция*, имеющий двух носительниц, предположительно, появился от календарного имени *Милица*.

Возникновение имени *Сталина*, обслуживающего двух человек в исследуемом именнике, по нашему мнению, могло быть обусловлено наличием в стране культа Сталина в 1929 году. Справедливым кажется утверждение, что имена гибки и емки, способны вместить самые различные частные обстоятельства, в которых живет данная личность.

Кроме того, распространенными были в 30-е годы и имена, созданные по названию революционных месяцев. В списке встретились имена *Октябрина* (от мужского *Октябрь*), возможно, данное новорожденной по названию месяца, в который свершилась Октябрьская революция, и имя *Мая* – в честь названия майских праздников. Попытки ввести в употребление имена, омонимичные нарицательным, в большинстве случаев были обречены на провал. Причины этой неудачи в том, что имена такого рода имеют общеизвестное нарицательное значение, которое вызывает нежелательные ассоциации при их применении к живым людям. Как известно, в настоящее время практически исчезли из употребления личные имена, омонимичные нарицательным существительным, такие, как *Воля*, *Радость*, *Эра*.

В качестве второго среза нами был взят именной список студентов, окончивших Удмуртский государственный университет в 2003 и 2004 годах. Источниками материала послужили приказы ректора о присуждении квалификации и выдаче дипломов студентам.

Данный период, конечно, неравнозначен временному отрезку в первом срезе. Следовательно, и количество женских имен в 5 раз меньше, чем в именнике 1931-1964 годов. Несмотря на это, нам кажется возможным сравнение именных списков в процентном соотношении. Такой анализ, по нашему мнению, должен показать общие тенденции, проявляющиеся в системе изучаемых антропонимов.

В процессе подсчета было установлено, что количество именованных составляет 654. Всего в исследуемом списке встретилось 78 женских имен. Десятка самых частотных имен представлена следующими антропонимами: *Елена* (62 именованных); *Наталья*-55; *Ольга* - 54; *Татьяна* - 53; *Екатерина* - 45; *Ирина* - 37; *Светлана* - 35; *Анна*-33; *Юлия*-32; *Марина*-30; *Лариса*-24; *Мария*-21; *Олеся*-19; *Людмила*-17; *Анастасия* –16; *Надежда*- 15; *Оксана*-13; *Эльвира*-9; *Ксения*-8. В данном списке 19 женских имен, обслуживающих более пяти именованных.

Имена, встретившиеся в списке от двух до четырех раз: *Галина*-4; *Любовь*-4; *Лидия*-4; *Вера*-4; *Евгения*-4; *Дарья*-4; *Яна*-4;

Лилия-4; Валентина-3; Алёна-3; Кристина-3; Александра-3; Инна-3; Полина-3; Диляра-3; Гульнара-3; Алла-3; Альбина-2; Нелли-2; Элеонора-2; Ульяна-2; Виолетта-2; Виктория-2; Ангелина-2; Гульназ-2; Алия-2; Жанна-2; Алина-3, Софья-2. Их количество равно 29.

30 имен встретились в списке по одному разу: *Гузиля; Гузалия; Зельфира; Гульшат; Таскира; Зульфина; Альфира; Руфина; Тереза; Финия; Наиля; Валерия; Раиса; Фарида; Резеда; Лина; Алсу; Люция; Ильдана; Вероника; Римма; Елизавета; Иванна; Дарина; Римма, Василина, Лиана, Злата, Альфия, Ламия.*

В первую очередь необходимо отметить, что в несколько раз сократилось разнообразие имен во втором именнике. Сокращение фонда личных имен с середины XX в. не раз отмечалось исследователями. Хотелось бы обратить внимание на то, что в 2003-2004 гг. происходит уменьшение использования в практике официального имянаречения числа вариантов имен. Так, второй студенческий именник характеризуется большой степенью строгости, имена обычно фиксируются в одном варианте, как правило, воспринимаемом как официальный, полный.

Проанализировав и сопоставив именники двух хронологических срезов, мы можем сделать некоторые выводы.

Выяснилось, что основой обоих именников являются христианские имена. В первом именнике календарных имен насчитывалось 48,9 %, а в именнике 2003-2004 гг. их число равнялось 48,7%. Количественный состав употребляемых современных личных имен невелик. Основная часть личных имен восходит по своему происхождению к общеупотребительным христианским именам, но при утраченной сейчас этимологии. В первом именнике западных антропонимов на 6,2 % больше, чем во втором, хотя в XXI веке для этого, казалось бы, возникли благоприятные условия, в частности, расширение контактов, как опосредованных (через телевидение, кино, прессу, литературу), так и непосредственных (появление множества совместных компаний с сотрудниками из дальнего зарубежья, расширение международного туризма).

В обоих именных списках большую роль играют личные имена, заимствованные из тюркских языков. В первом именнике они составляют 15,4% от всего количества имен, а во втором – 29,5%. Такое увеличение восточных имен мы связываем с ростом миграций, начавшихся после распада Советского Союза.

Наглядным проявлением процессов, происходящих в именнике, является частота употребления имен. Перейдем к анализу использования наиболее частых личных имен двух синхронных срезов.

Сравним десятки наиболее частых имен обоих именных списков:

1931-1964 гг.		2003-2004 гг.	
Имя	Кол-во носителей, %	Имя	Кол-во носителей, %
Валентина	6,15	Елена	9,48
Галина	5,82	Наталья	8,41
Мария	4,41	Ольга	8,26
Тамара	4,38	Татьяна	8,11
Людмила	4,09	Екатерина	6,88
Лидия	3,21	Ирина	5,66
Маргарита	3,09	Светлана	5,05
Анна	2,82	Анна	5,04
Зоя	2,71	Юлия	4,89
Александра	2,34	Марина	4,59
Любовь	2,34		
Итого	38,48		66,37

Приведенные данные свидетельствуют о смене десяти наиболее частых женских антропонимов, кроме имени *Анна*.

Из таблицы видно, что полностью обновился состав первых пяти имен. В 1931-64 гг. в тройке первых имен были *Валентина*, *Галина*, *Мария*, в 2003–2004 гг. на смену им пришли имена *Елена*, *Наталья*, *Ольга*.

Исследуя пятерку частотных женских имен, хочется упомянуть о социологическом исследовании, проведенном в Москве в 2004 году. Опрашиваемым предлагалось назвать пять женских и пять мужских самых распространенных имен. Наиболее популярными среди женских оказались следующие имена: *Елена, Ольга, Наталья, Татьяна, Светлана*. Это доказывает, что антропонимические предпочтения на территории России оказываются одинаковыми, а процесс имянаречения в Удмуртии в принципе отражает общую картину имянаречения по стране.

Коренные изменения произошли и в нижней части пятерки, но нетронутым оказалось положение имени *Анна*, которое в обоих срезах занимает 8-е место. Исчезли из именника 2003-2004 годов такие имена, как *Маргарита, Зоя, Тамара*. Имя *Александра* из первой десятки переместилось в группу малоупотребительных имен. В первом срезе имя *Марина* обслуживало лишь 0,24% носителей, а во втором данное имя стало принадлежать 4,59% студенткам и вошло в первую десятку частотных имен.

Обратим внимание, что удельный вес первого частотного десятка женских имён во втором срезе увеличился на 27,89%, что по-своему отражает тенденцию к более широкому использованию наиболее любимившихся имен. Высокая концентрация имён первой десятки может быть обусловлена и модой на эти имена. Надо отметить, что “мода” на личные имена – явление не всегда положительное, приводящее к количественному сокращению возможностей потенциала именника, то есть к непомерному засилию одинаковых имён.

Последующие места (после 10 имен - лидеров) в именнике 2003–2004 гг. заняли такие имена, как *Лариса – 3,67%, Мария – 3,21%, Олеся – 2,91%, Людмила – 2,59%, Анастасия – 2,45%, Надежда – 2,29%, Оксана – 1,99%, Эльвира – 1,38%*. В предыдущем периоде данную позицию занимали имена: *Раиса – 2,12%, Надежда – 2,12%, Вера – 2,12%, Римма – 2%, Антонина – 1,88%, Клавдия – 1,88%, Ольга – 1,82%, Елена – 1,59%, Зинаида – 1,56%, Евгения – 1,50%, Алевтина – 1,47%, Ираида – 1,47%*. Из прежней восьмерки имен осталось лишь одно имя *Надежда*, но с другой частотой употреблений.

Возросло число употреблений имени *Анастасия*. Если в первом именной форме количество носителей данного имени равнялось 0,94%, то во втором их число увеличилось (2,45% именных носителей). “У меня есть такая теория, - говорит А. В. Суперанская, - что имена должны отдыхать. В XIX веке это было распространённое имя, после Октябрьской революции его почти не давали, *Настя* отдохнула, а сейчас воспрянула” [Суперанская, эл. ресурс].

Анализ внешней формы женских имен показал, что личные антропонимы образовали специфический, отчетливо ощущаемый лексический отряд с собственными формальными признаками. Для женских имен в русском языке исконно обязательна форма на -а (*Ирина, Людмила*). Она монопольна на протяжении многих столетий, с небольшим исключением – имена на мягкий согласный (*Любовь, Нинэль*). Небольшой процент (в первом именной форме 2%, во втором – 2,6%) составляют имена с закрытым начальным слогом (*Балкис, Гульназ*). Данные имена являются тюркскими по происхождению. Кроме того, присутствуют имена на -и, -у (*Нелли, Алсу*). Но это антропонимы единичного употребления.

Сопоставляя именные формы первого и второго срезов, вслед за В.Д. Бондалетовым, мы выделим “старые имена”, “сквозные имена”, “новые имена”.

В группу “старых имен” вошли те антропонимы, которые не повторяются во 2-м срезе: *Агния, Апполинария, Алевтина, Анфиса, Агафья, Авдотья, Ариадна, Аэлита, Акулина, Адель, Аделаида, Азалия, Аза, Агнесса, Агрипина, Анисья, Амалия, Анжелика, Алиса, Аграфена, Бэлла, Августа, Антонина, Варвара, Венера, Вилория, Генриетта, Гертруда, Глафира, Джанетта, Диана, Дора, Евдокия, Ефросинья, Зинаида, Земфира, Ираида, Изабелла, Ия, Идея, Иллариya, Иветта, Иустинья, Инесса, Калерия, Калиста, Каролина, Кира, Клара, Клавдия, Капитолина, Прасковья, Пелагея, Ребекка, Серафима, Степанида, Таисья, Тамара, Фаина, Эвелина, Эльза, Эмма, Эмилия, Эрна, Лия, Лукиана, Луиза, Майя, Муза, Маргарита, Мирра, Мадина, Матрена, Милиция, Маиса, Нина, Олимпиада, Павла, Ревмира, Сталина, Сана, Степанида, Сара, Феодосия, Филасата, Фаузия,*

Флора, Фекла, Хамида, Харитина, Нонна, Нинэль, Юнгрета. Несмотря на то, что данные имена не повторились во втором студенческом именнике, мы не можем утверждать, что эти антропонимы перестали существовать в языке. Исследования показывают, что в настоящее время вышли из активного употребления даже такие привычные календарные имена, как *Тамара, Нина, Зинаида.* С другой стороны, существует мнение Н. А. Прокуровской, согласно которому на территории республики вновь наблюдается активное употребление канонических имен [Прокуровская 1995: 5]. Эта точка зрения может показаться убедительной, так как усиливается стремление церкви к укреплению своего влияния на умы граждан. Постепенно возрождается традиция именования по святым при крещении. Поэтому следует ожидать, что усиление позиции церкви в жизни современного общества, возможно, найдет свое отражение и в сфере наречения именем.

В эту же группу входят практически все имена единичного употребления, за исключением 7 имен: *Христина, Резеда, Фаня, Наилия, Гузалии, Дарианна, Руфина.* Так, окончательно вышли из именника и имена идеологического значения, появившиеся в 20-е годы. Дело в том, что имя должно быть, прежде всего, привычным, созвучным с основной массой имен, находящихся в живом употреблении, большинство же новых имен – имен - сокращений (например, *Гертруда, Ревмира*), иностранных имен (*Берта, Ирма*) – не привилось именно из-за своей необычности, несоотнесенности с традиционными именами. Исчезновение из употребления таких имен, как *Агафья, Фекла, Акулина* могло быть объяснено их социальной окрашенностью. Данные имена до революции употреблялись главным образом в среде крестьян.

Несмотря на то, что общая тенденция русской именной системы консервативна, что позволило традиционным русским именам устоять против попыток разрушить их или вовсе вытеснить, заменив словами – новоделами. Они лишь несколько расширили свой круг, приняв в свой состав имена, наиболее хорошо вписывающиеся в русский язык.

Количество “старых” имен равно 164. В большинстве случаев это канонические имена.

К “сквозным именам” относятся личные имена, повторяющиеся во втором срезе: *Мария, Татьяна, Марина, Светлана, Анна, Алина, Юлия, Ольга, Лидия, Наталья, Анастасия, Альбина, Эльвира, Оксана, Валерия, Любовь, Раиса, Василиса (Василина), Гузалии (Гузалия), Жанна, Элеонора, Вера, Евгения, Елена, Полина, Лилия, Ирина, Екатерина, Лариса, Валентина, Ксения, Галина, Людмила, Лина, Люция, Фариды, Вероника, Виктория, Виолетта, Надежда, Нелли, Наилия, Инна, Дарья, Елизавета, Дарианна (Дарина), Ангелина, Кристина (Христина), Александра, Римма, Резеда, Софья, Руфина, Финия (Фина)*. Таких имен насчитывается 54.

Мы видим, что вышедших из употребления имен на 111 больше, чем антропонимов, встречающихся в обоих именниках. Но именно за счет “сквозных” имен создается преемственность между первым и вторым именниками, обнаруживая наличие определенной тенденции к его стабильности – к сохранению “сквозных” имен, к их периодической повторяемости. Исследование показало, что общность именников обеспечивается в первую очередь за счет активных в употреблении антропонимов. “Живучесть традиционных имен позволяет предположить, что и в будущем сохранятся многие привычные нам имена. Но с изменением языка, обычаев, культуры появятся, видимо, и другие” [Бестужев-Лада 1970: 31].

Еще одна группа – “новые” имена, которые не встречались в первом срезе, составляют группу лишь из 17 единиц: *Гузиля, Яна, Лиана, Злата, Ульяна, Альфия, Ламия, Диляра, Алсу, Ильдана, Таскира, Гульназ, Зельфира, Зульфина, Альфира, Иванна, Алёна*. Подавляющее большинство имён этой группы относится к именам разового употребления, т.е. встречается только один раз у одного носителя. Специфичность именников обусловлена наличием в том и другом именнике редких имен.

Обратим внимание на то, что в процессе анализа именника активного употребления хорошо виден и процесс дивергенции разных форм одного и того же имени. В настоящее время очень активна тенденция к наречению девочек формой *Алёна* вместо *Елена* (во втором срезе именем *Алёна* названо 3 девочки). В словарях русских имен первая подается как народный вариант имени Елена [Петровский 1984: 45]. А. И. Назаров утвер-

ждает, что еще относительно недавно, в 80-е годы, работники ЗАГСов зачастую отказывались регистрировать детей именем в форме *Алёна*, пытались объяснить родителям, ссылаясь обычно на словарь Н.А. Петровского или “Справочник личных имен народов РСФСР”, что это вариант имени *Елена* [Назаров 2004: 27].

В настоящее время происходит приобретение формой *Алёна* довольно высокой степени самостоятельности, отдаления от имени *Елена*. По предположению А. И. Назарова, активизация формы *Алёна* свидетельствует о некоторой “усталости” формы *Елена*, которая в течение некоторого времени послевоенного периода была лидером женской части именника русских; о стремлении не полностью отказаться от имени, а заменить его более “свежей” на сегодняшний день формой *Алёна*.

Наиболее результативные процессы обновления именника проходили в зоне так называемых “сквозных” имен. Очевидно, что частота употребления этих имён в разное время различна. Продуктивность одних имен снижается, а других нарастает. Например, имя *Галина* в первом срезе имело 5,82% носителей, а во втором - 0,61%; *Дарья* - 2,34% имяносителей в первом именнике, 0,46% - во втором. И напротив, имя *Марина* в первом срезе имело 0,24% носителей, а во втором – 4,59%, *Ирина* во втором срезе имеет на 5,22% имяносителей больше, чем в именнике 1930-60-х гг.

Итак, именники двух срезов заметно отличаются друг от друга. Своеобразие именников создается за счет различной степени активности отдельных антропонимов.

Личные в лексической системе любого языка, в частности русского, образуют уникальную группу с собственными формальными признаками, а также закономерностями развития и функционирования в различные исторические периоды. Имена людей, несмотря на проявляющуюся тенденцию к стабильности, всегда подвержены некоторым изменениям.

Список литературы

1. Бестужев-Лада И. В. Исторические тенденции развития антропонимов // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропонимики. М., 1970. С. 24 – 33.

2. Бондалетов В. Д. Русские имена в XX веке (на материале пензенской антропонимии) // Русская речь. 1970. № 6. С. 51–56.
3. Кондратенко Г. И. Из наблюдений над выбором личных имен в г. Ульяновске // Ономастика Поволжья. Материалы I поволжской конференции по ономастике. Ульяновск, 1969. С. 64–65.
4. Короткова Т. А. Динамика личных имен свердловчан // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропонимики. М., 1970. С. 117–119.
5. Назаров А. И. Русский именник Алматы 90–х гг. // Вопросы антропонимики. Сб. статей. Вып.2. Алматы, 2004. С. 11–25.
6. Петровский Н. А. Словарь русских личных имен. 3-е изд. М., 1984.
7. Прокуровская Н. А., Пантелеева Т. Г., Мухаметшин Н. Н. Что вы знаете о своем имени? (к личным именам в Удмуртии). Ижевск, 1995.
8. Семенкова Р. В. Антропонимические вкусы русского и мордовского населения г. Саранска // Ономастика Поволжья IV. Материалы IV поволжской конференции по ономастике. Саранск, 1976. С.29–32.
9. Силаева Г. А., Липатов В. А. Антропонимическая система с. Чертково Пензенской области // Ономастика Поволжья IV. Материалы IV поволжской конференции по ономастике. Саранск, 1976. С.84–87.
10. Суперанская А. В. Имена отдыхают [Электронный ресурс]. Режим доступа: [www.ogoniok.com / 14898 /15](http://www.ogoniok.com/14898/15).
11. Суперанская А. В. Словарь русских личных имен. М., 2005.
12. Справочник личных имен народов РСФСР / под ред. А. В. Суперанской, Ю. М. Гусева. 3-е изд., исправл. М., 1989.
13. Шайкевич А. Я. Русские личные имена XX века (по материалам загса Фрунзенского района г. Москвы) // Личные имена в прошлом, настоящем, будущем. Проблемы антропонимики. – М., 1970. С.84–91.

Е. А. Масленникова
ИНДУСТРИЯ ПРОЗВИЩ
(на материале прозвищных именовании
жителей Удмуртии)

Метко подметил Н. В. Гоголь, сказав: “На Руси есть такие прозвища, что только плюнешь и перекрестишься, коли услышишь”. Сравните сами: *Ханчик* (молодой человек маленького роста; в жаргоне: *ханчик* – “окурок”), *Коротколап* (мальчик, у которого ноги короче тела), *Барылинка* (девочка, которая, бегаёт на цыпочках – от “балеринка”), *Сюська* (говорит быстро, будто “сюсюкает”). Прозвища были записаны нами в 2002 – 2007 гг. в п. Игра и других населённых пунктах Удмуртии. Всего было зафиксировано 780 единиц.

Да, “выражается сильно российский народ”, ведь фантазия его безгранична! И каких только именовании не услышишь: одни из них интимны, другие остры и забавны, третьи фамильярны и грубы. Но современные прозвища разнообразны не только по своей маркированности и стилистической окраске, они различны и по способам создания.

По проблеме способов образования прозвищных имен среди ученых нет единства. При описании собранного нами материала мы будем опираться на статью Н. В. Подольской [Подольская 1990], так как, на наш взгляд, здесь наиболее удачно и полно описаны способы образования собственных имен.

Возникновение современных русских прозвищ происходит благодаря трем основным способам: *онимизации апеллятива* (апеллятивами называются нарицательные имена), *трансонимизации* и *заимствованию*.

Онимизация апеллятива – это переход имени нарицательного в имя собственное и его дальнейшее становление и развитие в любом разряде онимов. Проиллюстрируем это конкретными примерами из нашего материала: девушка получила прозвище *Шарик*, потому что, когда обижалась, надувала щеки; мальчик по прозвищу *Одеколон* сильно душился этим ароматизированным гигиеническим средством; девочке дали прозвище

Лев за ее пышные кудрявые рыжие волосы, напоминающие гриву этого животного.

В качестве производящей базы в образовании прозвищ могут выступать не только нарицательные существительные (“шарик”, “одеколон”, “лев”), но и собственные (имена, фамилии, топонимы и др.). В этом случае говорят уже о трансонимизации. **Трансонимизация** – это переход имени одного разряда в другой. Например: *Чебурашкой* зовут мальчика, большие торчащие уши которого напомнили именуемому персонажу мультфильма “Крокодил Гена”; *Рудээн* – фамилия девочки Рудина ассоциируется с названием одной из команд КВН – “РУДН”; мальчика прозвали женским именем *Марина*, так как он носит длинные волосы (однажды в автобусе по ошибке его спросили: “Девушка, который час?”).

Как онимизацию апеллятива, так и трансонимизацию можно разделить на два вида: семантическую и грамматическую. Всякая онимизация апеллятива уже включает в себе изменение его семантики, которое связано с изменением статуса нарицательного имени – перехода его в имена собственные. Грамматическая онимизация, таким образом, сопровождается семасиологическим процессом.

Если рассматривать процесс онимизации с точки зрения изменения/неизменения самой структуры апеллятива, то **грамматическая онимизация** – это процесс, когда на базе апеллятива или апеллятивной основы образуется прозвищное имя с помощью различных аффиксов или сложения корневых морфем, а **семантическая онимизация** – процесс, происходящий без формальных изменений структуры апеллятива. Имя нарицательное в обоих случаях “остаётся в своей лексической системе, а на его базе возникает новое имя собственное, которое встает в свой ономастический ряд и подвергается изменениям по собственно ономастическим правилам. Если онимизации подвергается производное имя нарицательное, то в имени собственном происходит переосмысление его словообразовательных средств”[Подольская 1990: 43].

Семантической онимизация может быть простой, метафорической и метонимической.

Простая семантическая онимизация наблюдается в случае, когда прозвищное именование, возникшее из нарицательного имени без какой-либо деривации, отражает природные свойства денотата в момент номинации и сохраняет семантику апеллятива лишь до известной степени: *Лысый* (бритый наголо), *Пухлый* (полный мальчик), *Пучеглазая* (большие выпученные глаза), *Крашеный* (красит волосы),

Метафорическая онимизация происходит на основе действительного или кажущегося сходства именуемого с другим объектом. Она черпает ресурсы в конкретной лексике. Лежащее в основе метафоры свойство именуемого объекта выражается словом и всегда наполнено какими-либо ассоциациями. Так, прозвище *Японец* (узкий разрез глаз) образовалось от нарицательного существительного “японец” по ассоциации с представителем данной нации; *Белка* (рыжий цвет волос) по ассоциации с цветом шкурки животного; *Молекула* (маленький рост учительницы физики) – ассоциация с данным научным понятием; *Арахис* (форма головы) – ассоциация с формой ореха; *Микроавтобус* (крупное телосложение) – ассоциация с данным видом транспорта. Приведем примеры метафорической трансонимизации: *Билан* – молодой человек носит прическу, как у известного певца Димы Билана; *Шапокляк* – девочке дали это прозвище за сходство во внешности с персонажем мультфильма “Крокодил Гена”; *Пушкин* – кудрявые волосы и умение сочинять стихи вызвали ассоциацию с внешностью Александра Сергеевича Пушкина; *Жамантой* прозвали мальчика глупого, отстающего в развитии (по имени героя сериала “Тропиканка”, отличавшегося недалекостью ума). Основанием для метафорической онимизации прозвищ обычно служат черты внешнего облика человека (рост, телосложение, цвет глаз и другие особенности его конституции) или черты его характера, поведение, поступки.

Третий тип – это **метонимическая онимизация**. Ее можно охарактеризовать как процесс перенесения названия с одного объекта на другой на основании смысловой ассоциации по смежности. Например: *Трактор* (работает на тракторе), *Кефир* (любит кефир), *Овечка* (называл овцу у соседа “бригадной овечкой”, говорил: “Мясо-то съел, а овечка-то бригадная!”),

Француз (при разговоре часто вставляет фразы на французском языке), *Стакан* (любит пьянствовать). Метонимическая трансонимизация: *Кеша* (мальчик носил портфель, на котором был изображен Кеша – персонаж мультфильма “Возвращение блудного попугая”), *Потапыч* (любит пиво “Потапыч”), *Менделеев* (учитель химии, ассоциируется с известным русским химиком Дмитрием Ивановичем Менделеевым), *Америка* (девушка, которая некоторое время жила в США).

Если говорить о грамматическом онимообразовании прозвищ, то к нему относят такие процессы, как аффиксация, усечение, аббревиация, сложение, сращение и редеривация (характерна только для прозвищ, образованных от фамилий).

Рассмотрим специфику каждого из этих процессов.

Аффиксация в онимообразовании – способ, в результате которого “возникают имена, наиболее трудные для словообразовательного анализа, так как во многих случаях исследователю не ясна производящая основа” [Подольская 1990: 45]. Прозвища, образованные посредством **аффиксации**, встречаются крайне редко, в основном это суффиксальные модели: *Полосатик* – все время ходил в **полосатой** кофте; *Вонючка* (сильно душитесь одеколоном); *Зубастик* (большие зубы).

Усечение – это процесс изменения формы имени собственного, заключающийся в отпадении корневой или вспомогательной морфемы. В основном прозвища, образованные данным способом, создаются на базе антропонимов, значительно реже на базе апеллятивов и предложно-падежных сочетаний. Усечение осуществляется несколькими способами, в связи с этим исследователи выделяют несколько типов усеченных прозвищных именовании:

1. Именования, образованные простым усечением слова (т. е. “чистым” усечением без добавления каких-либо аффиксов): *Крас* (**красивый** мальчик), *Кукс* (**Куксаев**), *Неч* (**Нечаева**), *Пух* (полный, **пухлый**), *Судач* (любит сплетничать, **судачить**).

2. Именования, образованные путем снабжения усеченной части слова флексией *-а* (*-я*): *Боня* (внешне похож на льва Бонифация из мультфильма “Каникулы Бонифация”), *Буля* (**Булдаков**), *Микра* (**Микрюков**), *Обя* (кудрявый и волосатые руки; от слова “**обезьяна**”), *Шевра* (любимая марка машины

Chevrolet “шевроле”). О. В. Боронина пишет, что при данном типе “наблюдается действие определенной тенденции: прозвищное имя часто оформляется как двусложное слово с ударением на первом слоге, морфологический показатель не различает пол субъекта” [Боронина 1980: 113]: *Рыся* (Рысов), *Вася* (Васильева).

3. Именования, образованные путем снабжения усеченной части слова флексией –и: *Токи* (Токарев), *Чеки* (Четкарев).

4. Именования, образованные путем усечения слова с добавлением суффиксов -н-, -ик-, -их-, -ыч-, -к- и др.: *Алыч* (Аликина), *Бокаиха* (Бокаева), *Гуня* (Гурьев), *Дрофик* (Андрей Дорофеевич), *Коновалятина*, *Кочергина* (девушка пошутила, закрасив на этикетке от фарша слова “свинина” и “говядина”, и переименовав фамилии девочек Кочергиной и Коноваловой, написала “Кочергина” и “Коновалитина”), *Татарыч* (татарин по национальности), *Кнопик* (маленький кругленький нос; от слова “кнопка”).

5. Именования, образованные путем усечения слова с добавлением префикса: *Антикэра* (Курочкина).

6. Именования, образованные путем усечения части слова с различной редупликацией: *Брильляля* (Бриляков), *Жижа* (Жихарев).

Следует сказать, что П. Т. Поротников [Поротников 1976: 73] подобные образования сводит к аббревиационным именованиям. Мы позволим себе не согласиться с этим, учитывая неравнозначность понятий “аббревиация” и “усечение”, которые понимаем следующим образом: аббревиация – сложение сокращенных элементов слов, объединенных в одно сочетание; усечение – сокращение производящей основы по типу аббревиатур (независимо от морфемного шва).

Еще один распространенный вид грамматической онимизации – это **аббревиация**. Этот процесс так же, как усечение чаще встречается при трансонимизации, нежели при онимизации апеллятива. Аббревиацию можно подразделить на три типа:

1. Инициальный тип, при котором создаются прозвища-акронимы: *БМВ* (Баталов Михаил Владимирович), *ЕД* (Елена Дмитриевна), *ЗИЛ* (Зорин Илья Леонидович), *ЗП* (Зинаида Пав-

ловна), *НТВ* (Нечаева Татьяна Васильевна), *СМС* (Смирнова Мария Сергеевна) *СС* (Семен Сергеевич). Отнесем сюда и один пример прозвища, образованного инициальным способом в его ассоциативно-графическом варианте: *П²* ([пэ] в квадрате; Петр Петрович).

2. Сложносокращенный тип, при котором создаются прозвища-аббревиатуры. Их образование происходит путем сочетания начальных или произвольно взятых частей слов, входящих в аббревирированное словосочетание, например: *Валейка* (Васильев Андрей(ка)), *Вафля* (Валентина Федоровна), *Галифе* (Галина Федоровна), *Ирба* (Ирина Борисовна), *Михмих* (Михаил Михайлович), *Троля* (Третьякова Оля), *Файсер* (Фаина Сергеевна).

3. Телескопический тип (объединение начала одного слова и конца другого): *Козебра* (девушка в полосатой футболке во время игры в баскетбол высоко прыгала и махала руками; “коза + зебра”), *Покся* (Попова Оксана > Окся), *Серёшкин* (Сергей Алёшкин).

Сложение – это процесс, при котором образуются прозвища-композицы, то есть однословные сложные имена собственные, имеющие в своем составе не менее двух корневых морфем. Данный способ образования прозвищ значительно уступает по продуктивности всем остальным. В нашем материале лишь два примера: *Коротколап* (из словосочетания “короткие лапы”), *Параметр* (мальчик высокого роста; от словосочетания “пара метров”), *Ухоплан* (большие уши).

Сращение на основе предложно-падежного сочетания: *Защек* (всегда ходил с карамелькой за щекой); Ср. в топонимике: за рекой > Зарека.

И, наконец, еще один процесс грамматической онимизации, результатом которого являются прозвищные именованья – это **редеривация**. Выше нами уже было отмечено, что этот процесс касается только отфамильных прозвищ.

Применительно к ономастике “под редеривацией понимается процесс образования прозвищного именованья от официальной фамилии путем восстановления или эпонима данной фамилии, или корня этого эпонима; под эпонимом же понимается не просто часть фамилии, получаемая в результате отделения фамильных суффиксов, а слово, которое послужило когда-то

производящим для данной фамилии. Следовательно, редеривацией можно признать только тот способ образования отфамильного прозвищного именованя, при котором выделение эпонима и его корневой морфемы оправдано семантически и словообразовательно” [Поротников 1976: 72]

П. Т. Поротников выделяет три типа редеривации [Поротников 1976: 72-73]:

а) простая редеривация, при которой происходит выделение эпонима фамилии без нарушения прежней нормы ее образования: *Абрам* (Абрамов), *Баскак* (Баскаков), *Бык* (Быков);

б) сложная редеривация, путем которой выделяется корень эпонима фамилии в рамках словообразовательной модели: *Баран* (Баранчиков), *Сыч* (Сычихин), *Корыто* (Корытников);

в) ложная редеривация, при которой выделяется предлагаемый эпоним без учета словообразовательной модели фамилии: *Мизя* (Мизёв), *Швеца* (Швецов), *Шпиля* (Шпилёв).

Рассмотрим простую редеривацию: *Кабан* (**Кабанов**), *Мельник* (**Мельников**), *Сокол* (**Соколова**), *Фитиль* (**Фитилев**) и сложную редеривацию: *Комар* (**Комарницкий**), *Конь* (Велико**конь**), *Пчела* (**Пчельникова**), *Сало* (**Сальников**). На наш взгляд, такие образования, как *Мизя*, *Швеца* созданы посредством усечения части фамилии и добавления к ней флексии *-а* (*-я*). С нашей точки зрения подобные примеры являются редеривацией только в тех случаях, когда внутренняя форма фамилии “прозрачна” и более явно виден ее эпоним или корень этого эпонима, в иных случаях можно говорить об усечении данной фамилии.

Ведущим способом образования отфамильных прозвищ, в противовес всем остальным, считается трансонимизация. В этой группе также можно выделить семантическую и грамматическую трансонимизацию, правда, в случае с семантической трансонимизацией, то здесь рассматривают ее уже не как простую, метафорическую и метонимическую, а как **смысловую** и **звуковую**, так как образование прозвищ от фамилий происходит путем соотносительности данного прозвищного именованя с этой фамилией.

Фамилия дает толчок для поиска необходимого слова. В большинстве случаев именуемый использует в качестве про-

звищного имени уже существующее в языке имя собственное или апеллятив (при апеллятивной онимизации), ассоциативно или непосредственно соотносимые с фамилией или ее частью. Как мы уже отмечали, ассоциации могут быть смысловыми: *Чапай* (Васильев > Василий Чапаев > Чапай) или звуковыми: *Колобок* (Калабин, ассоциируется с персонажем сказки “Колобок”), *Кузубай* (Кузьмин, ассоциируется с именем известного удмуртского поэта Кузубая Герда), *Троцкий* (Тронин, ассоциируется с фамилией известного советского партийного и государственного деятеля Льва Даниловича Троцкого).

Что касается грамматической трансонимизации, то самыми продуктивными здесь оказываются прозвищные онимы, образованные посредством усечения, причем встречаются примеры всех типов этого способа: *Кукс* (**Куксаев**), *Петруня* (**Петрунин**), *Чазик* (**Чазова**), *Жижка* (**Жижарев**). На втором месте по продуктивности стоят аббревиационные прозвищные именованья: *БЕС* (**Баженов Егор Степанович**), *ЗИЛ* (**Зорин Илья Леонидович**), *Валейка* (**Васильев Андрей(ка)**), *Веденис* (**Веденин Денис**), *Понка* (**Понамарева Катя**), *Покся* (**Попова Оксана > Окся**). Им уступают прозвища, образованные путем редеривации, о которой мы говорили выше: *Абрам* (**Абрамова**), *Агафон* (**Агафонов**), *Ефрем* (**Ефремов**), *Захар* (**Захаров**), *Трофим* (**Трофимов**).

Отфамильные прозвища могут создаваться и посредством онимизации апеллятива. Здесь также можно выделить семантическую и грамматическую онимизацию. Семантическая онимизация в свою очередь делится на смысловую: *Гончар* (Ожегов), *Граф* (Шувалов), *Дубленка* (Шубин), *Жук* (Пчельникова), *Косой* (Зайцев), *Рыба* (Красноперова) и т. п.; и звуковую: *Дыра* (Ходырева), *Изюм* (Изамариев), *Кабачок* (Кабатчикова), *Ландыш* (Гладышева), *Сняк* (Синюков), *Чепчик* (Чепкасова), *Чердак* (Шардаков) и т. п.

Если говорить о грамматической онимизации, то здесь наблюдается совсем иная картина, нежели при грамматической трансонимизации. Самым продуктивным процессом здесь является редеривация. Так, из 237 анализируемых отфамильных прозвищных единиц на ее долю приходится 60, что составляет 8%, при этом большая часть редеривационных наименований образуется за счет простой редеривации. Есть прозвищные онимы,

созданные путем усечения фамилии, правда, случаи эти единичны: *Рёва* (Скобкарёва), *Скобка* (Скобкарёва).

Прозвищные онимы могут образовываться не только от русских слов, но и от слов других языков, поэтому третий способ создания прозвищ – заимствование. Н. В. Подольская выделяет *прямое заимствование*, *гибридизацию* (в результате которой возникает имя собственное, состоящее из элементов двух и более языков – имя-гибрид) и *калькирование*.

Нами зафиксированы прозвища, образованные данным способом, но материал позволяет рассматривать только первые два типа – прямое заимствование и гибридизацию. Прозвища, созданные путем прямого заимствования (а их абсолютное большинство), представлены словами из удмуртского, английского, итальянского и латинского языков. Прозвищные онимы, образованные от слов удмуртского языка: *Джичь* – девушка, внешне похожая на лису (от удм. зичы – “лиса”); *Кенэм* – семейное прозвище; их дом построен на месте, где раньше было конопляное поле (от удм. кенэм – “конопля”); *Кыстыбий* – семейное прозвище; часто готовили это удмуртское национальное блюдо – блинчик (пирожок) с кашей (с картофельным пюре); *Пыкъ* – негибкий (от удм. пыки – “жердь”, “шест”); *Тотору* – семейное прозвище; все члены этой семьи отличались низким ростом (от удм. (диал.) тоторо – маленький пирожок из пресного теста); *Чиляц* – любит носить блестящие вещи (от удм. чилясь – “блестящий”); *Шачб* – высокая девушка (от удм. шача – “длинный шест”). Есть одно прозвище, созданное от слова латинского языка, его дали преподавателю студенты Ижевской государственной медицинской академии – *Рэктум* (rectum с латинского языка значит “прямая кишка”; внешность преподавателя хирургии ассоциируется с этим органом – он такой же худой и “сморщенный”), несколько прозвищ, образованных от английских слов: *Кокоджамбо* – от фамилии Коковицын (звуковая ассоциация с названием песни “Coco jambo” американской музыкальной группы “Mr. President”); *Снейк* – спокойный мальчик, с хладнокровным характером (от англ. snake – “змея”).

Встречаются прозвищные онимы, созданные на базе имен собственных (имен персонажей зарубежных мультфильмов, бразильских телевизионных сериалов, американских кино-

фильмов, иноязычных названий торговых марок, личных имен из антропонимикона другого языка и др.): *Урсула* (Урсегова, ассоциируется с персонажем мультфильма “Приключение Русалочки”), *Терминатор* – некрасивый молодой человек, ассоциируется с героем Арнольда Шварценеггера из фильма “Терминатор”; *Ваниш* – от имени Иван (звуковая ассоциация с названием торговой марки средств бытовой химии – “Vanish”), *Джон* – от имени Иван (John – англоязычный вариант русского имени Иван); *Патрик* – от имени Павел (Паша) (звуковая ассоциация с иноязычным именем – Patrick), *Микеланджело* (художник, ассоциируется с именем известного итальянского художника и скульптора Микеланджело Буонарроти).

Вопрос о принадлежности такого типа именовании, как *Джон* (Иван) к прозвищам в антропонимике до сих пор остается спорным. Мы будем считать их прозвищными онимами, образованными путем соотнесения имени денотата с аналогичным именем другого языка. В XVIII – начале XIX века в светских салонах России часто можно было услышать, как русскую барышню, имя которой Мария, называют Мари или кавалера, чье имя Петр, зовут Пьером. Это было в порядке вещей. Аристократы тогда не мыслили себя без знания французского языка, нередко предпочитали его русскому. Это отразилось и на антропонимах. Дворяне, даже получая при крещении те же имена, что и крестьяне, в повседневной жизни обычно использовали совсем иные их варианты, звучащие либо на французский манер – и тогда Петр становился Пьером, Мария – Мари, Наташа – Натали, Николай – Никола, либо на английский – и тогда Дарья превращалась в Долли, Елизавета в Бетси, а Екатерина в Кити. Горничных и лакеев также часто переименовывали, чтобы не слышать простонародных имен в своих гостиных. Но такие нормы не привились в русском языке, они существовали лишь в определенный период и считались вариантами личных имен, произносимых на иностранный манер. Сейчас, в силу того, что именованья такого типа, как *Джон* (Иван) встречаются крайне редко, можно отнести их в разряд прозвищ, даваемых именуемым по аналогии с их собственными именами.

Большинство заимствованных онимов нашего материала однословны, но встретились и составные именованья, одно из

которых представлено словосочетанием (*Дас Манет* – все время у всех просил десять рублей (от удм. *дас манет* – “десять рублей”)), остальные же – составными именами собственными, в частности, антропонимами: *Галина Бланка* (от имени Галина Борисовна; “*Gallina Blanca*” – название торговой марки приправы для супа), *Гарри Поттер* (внешне похож на одноименного героя серии книг английской писательницы Джоан Ролинг), *Памела Андерсон* (девушка, у которой маленькая грудь; прозвище дано по контрасту – ассоциируется с голливудской актрисой Памелой Андерсон, прославившейся своим большим бюстом), *Тарас Бульба* (Тарас, ассоциируется с именем героя повести Н. В. Гоголя “Тарас Бульба”), *Эникен Скай Уокер* (Аникин, звуковая ассоциация фамилии с героем фильма “Звездные войны”).

Случаи прозвищных имен-гибридов единичны: *Баджик* (отзывчивый, безотказный, ассоциируется с вертолетом **Баджо** – названием персонажа мультфильма “Вертолет Баджо” + русский суффикс –ик), *Вукузёха* (учительница литературы родного края; Вукузё – название хозяина вод и источников в удмуртской мифологии + русский суффикс –ёх(а)), *Димонас* (от имени Дмитрий (Дима) + латинский формант –нас, так как мальчик занимался изучением латинского языка), *Мишель Павлова* (Михаил Павлов, женоподобный мальчик), *Ниндзюки* (молодой человек, увлекающийся кодексом ниндзя)).

Если обработать наши данные статистически, мы получим довольно неоднородную картину: из трех способов номинации основным для всей массы прозвищ нашего материала оказывается онимизация. На ее долю приходится 65% от общего количества прозвищ (это 422 номинативные единицы).

На втором месте по продуктивности – прозвища, образованные путем трансонимизации (176 единиц; 27%).

Если говорить о соотношении семантического и грамматического способов создания прозвищ, то наиболее частотным оказывается первый. Производящей базой прозвищных именованний, появившихся в результате семантической онимизации, являются апеллятивы, принадлежащие разным тематическим пластам из ближайшего окружения человека: названия животных, птиц, рыб, растений, предметов материальной культуры, средств передвижения, пищевых продуктов и блюд и др. Семан-

тическая трансонимизация тоже интересна в плане производящей базы. Широко распространены прозвищные онимы, созданные на базе имен персонажей мультфильмов, героев художественной литературы, телевизионных сериалов и кинофильмов. Есть прозвища, в которых обнаруживаются сравнения с известными писателями и поэтами, учеными, артистами, политическими деятелями, героями войны и другими знаменитыми людьми.

Прозвища, образованные посредством грамматической онимизации и трансонимизации, по численности уступают семантически созданным прозвищам (223 и 375 единиц соответственно).

Безусловно, прозвища, созданные посредством семантической онимизации и трансонимизации, более выразительные, яркие, экспрессивные, чем прозвища, образованные путем грамматической онимизации и трансонимизации. Ср.: семантическая онимизация и трансонимизация – *Энерджайзер* (очень подвижный мальчик; “Energizer” – название торговой марки аккумуляторных батареек), *Сохатый* (высокий мальчик), *Шаньга* (полная девочка), *Памела Андерсон* (девочка с маленькой грудью; прозвище дано по контрасту – ассоциируется с голливудской актрисой, прославившейся своим большим бюстом), *Ржавая* (девочка с рыжими волосами); грамматическая онимизация и трансонимизация – *Мамик* (слабохарактерный, “маменькин сынок”), *ЛФ* (Людмила Федоровна), *Кузя* (Кузьмин), *Татарчонок* (татарин по национальности), *Белаз* (Белозеров).

Прозвищные именованья – это живая, развивающаяся и подвижная подсистема языка. Появившись еще в глубокой древности, они не утратили своего статуса и актуальны по сей день. Процесс народного словотворчества в создании прозвищных имен происходил, происходит и будет происходить всегда. И они будут еще более яркими и выразительными. Ведь фантазия людей не знает границ, а возможности создания новых имен еще далеко не исчерпаны.

Список литературы

1. Боронина О. В. К вопросу об отфамильных прозвищах // Вопросы ономастики: Собственные имена в системе языка. 1980. Вып. 14. С. 111-115.
2. Подольская Н. В. Проблемы ономастического словообразования (К постановке вопроса) // Вопросы языкознания. 1990. №3. С. 40 – 53.
3. Поротников П. Т. О способах образования отфамильных прозвищных именовании // Вопросы ономастики: Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой. 1976. Вып. 11. С. 70-74.

Лингвистическая экспертиза

М. Г. Милютина

ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА ТЕКСТА (проблемы и результаты)

Как известно, в осуществлении правосудия большая роль отводится экспертизе. Специальные познания сведущего лица помогают следствию и суду устанавливать существенные обстоятельства, на основе которых может быть вынесено справедливое решение. Востребованной оказывается экспертиза разного рода. Чаще других востребована лингвистическая экспертиза, связанная со 130 статьёй УК РФ “Унижение чести и достоинства лица, выраженное в неприличной форме”. В таком случае экспертное заключение призвано констатировать либо наличие оскорбления, либо его отсутствие в текстах. В других случаях необходимо вдумчивое лингвистическое толкование отдельной статьи законодательного акта, чтобы установить однозначность или же неоднозначность последнего. В некоторых случаях от лингвиста-эксперта требуется очень кропотливый и довольно глубокий анализ материала отнюдь не однозначного: от лингвистической интерпретации одной-единственной словоформы иногда зависит исход дела. Так, в “Договоре займа” (текст приводится не полностью и с изменёнными фамилиями) от 09 июля 2000 неоднозначной для понимания оказалась видо-временная форма глагола *передаёт*:

1. *Займодавец Иванова И. И. передаёт Петрову П. П. денежный заём в сумме два миллиона рублей до 02 сентября 2005 года.*
2. *Зайщик Петров П. П. принимает денежный заём в сумме два миллиона рублей до 02 сентября 2005 года.*

Пришлось оспаривать заключения как минимум двух экспертов, которые пришли к однозначному выводу о том, что глаголы настоящего времени несовершенного вида “передаёт” и “принимает” употреблены в данном тексте во вневременном

значении для удостоверения условий соглашения и фиксируют не факт приёма-передачи денег займодателем и заёмщиком, а лишь удостоверяют определённые условия договора – согласие обеих сторон соответственно передать-принять установленную денежную сумму. Кроме того, в данных экспертных заключениях указано, что, поскольку обозначенные глаголы употреблены в форме настоящего времени несовершенного вида, они не свидетельствуют о законченности действия, так как “обозначают действие в его течении, без указания на его предел” [Розенталь, Теленкова 1985: 58].

Необходимо отметить, что в полной мере глубоко и правильно анализировать и интерпретировать видо-временные формы указанных выше глаголов может только узкий специалист, а именно специалист в такой области описательной грамматики, как аспектология.

Следует указать также на тот факт, что, анализируя глаголы изъявительного наклонения *передает* и *принимает* в тексте договора, эксперты прибегают лишь к самым общим сведениям о виде глагола как грамматической категории, – сведениям, отражённым в “Словаре-справочнике лингвистических терминов” Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой. Но опоры лишь на такое определение сов. и несов. видов в данном случае недостаточно, так как в конкретном контексте (в контексте договора) необходимо опираться не на категориальное (т.е. предельно абстрактное, общее значение вида), какое и представлено в словаре-справочнике, а на частные видовые значения, которые “представляют собой результат взаимодействия категориальных (общих) значений видовых форм глагола и элементов среды” [Бондарко 1996: 114]. Таким образом, эксперты совершенно не учли при анализе конкретного значения видо-временной формы, которое обусловлено стилистическими и семантическими особенностями контекста договора.

В последней (по времени издания) из академических грамматик [Русская грамматика 1980: 604-613] есть раздел, целиком посвящённый употреблению видов. В начале данного раздела читаем следующее: “Категориальные грамматические значения сов. и несов. вида реализуются в разных условиях контекста. В зависимости от этих условий различаются определён-

ные типы употребления видов. Они группируются на основании типов ситуаций, которые передаются при участии глагольного вида” [Русская грамматика 1980: 604]. Отметим, что в “Русской грамматике” описаны лишь самые типичные ситуации употребления видов (всего четыре). При этом более точные характеристики видовых значений, представленных в грамматике, могут и должны быть уточнены и дополнены специалистом, имеющим непосредственное отношение к данной области знания и имеющим соответствующую квалификацию, естественно, с опорой на соответствующую специальную лингвистическую литературу по аспектологии и стилистике права.

Начнём с литературы по стилистике права. Необходимо обратиться к соответствующим научным источникам. В последние годы появилось немало работ, посвящённых анализу тех или иных особенностей языка права [Грязин 1979; Губаева 1995; Ивакина 1997; Черданцев 1993; Власенко 1997 и др.], опоры на данные работы, кроме ссылок на монографию М. Н. Кожиной, в заключениях предыдущих экспертов также нет. Среди указанных мной работ следует особо отметить монографию Власенко Н. А. “Язык права” [Власенко 1997]. Предпочтительная опора на данную монографию при анализе текста договоров отнюдь не случайна. Дело в том, что в лингвистической литературе неоднократно обращалось внимание на функцию предписания (долженствования) как характерную функционально-стилистическую черту языка права, в частности, один из известных специалистов в области стилистики, М. Н. Кожина, утверждает, что язык права несёт на себе стилевую окраску долженствования [Кожина 1983: 175]. Кроме того, о настоящем времени глагола как разновидности прямого способа выражения функции долженствования при выражении обязывающей нормы пишет Н. Н. Ивакина [Ивакина 1997: 54-55]. Однако в работе Н. А. Власенко имеется одно очень важное уточнение: исследователь замечает, что по характеру предписания нормативный текст может быть двух типов не только а) долженствующе-предписывающим, но и б) констатирующе-предписывающим (о констатирующе-предписывающей функции речи см. также [Сенкевич 1976: 19]. Комментируя констатирующе-предписывающую разновидность нормативного текста, Н. А.

Власенко пишет: “Часть статей (глав, разделов) нормативно-правового акта, как правило, носят вводный характер, определяют цель документа, предмет и пределы юридического регулирования (в договорах займа, анализируемых нами, как раз определён предмет договора). Стиль изложения этих норм своеобразен. С одной стороны – констатирующий, а с другой – предписывающий. Это предполагает использование глагола в форме инфинитива: часто в грамматических предложениях нормативного текста можно насчитать до нескольких десятков взаимосвязанных инфинитивов. Далее. Указанный способ изложения предполагает функционирование различных временных форм глагола. Так, формы глагола настоящего времени выступают в значении, которое можно назвать настоящим предписания. Формы будущего времени приобретают в контексте различные модальные оттенки (долженствования, предписания, возможности, близкой к необходимости). Прошедшее время употребляется в значении подчёркнутой констатации.” [Власенко 1997: 23-24].

Таким образом, исходя из характера выражения предписания (см.: [Власенко 1997: 23-24]), можно заключить, что формы настоящего времени глаголов *передаёт* и *принимает* выступают не только в значении предписания, на что указали эксперты, но и в значении констатации, чего эксперты не учли.

В случае такой интерпретации формы времени выявляется также и специфика несовершенного вида указанных глаголов, которые в стилистических условиях такого контекста (текст “Договора займа”) и в сочетании с указанным значением времени также имеет особое значение – обобщённо-фактическое, которое заключается “в общем указании на самый факт наличия или отсутствия действия” [Бондарко 1971: 28]. Поскольку в “Договоре займа” глаголы употреблены без отрицательной частицы “не”, то значение вида заключается именно в указании на самый факт наличия действия. В данном типе употребления грамматическое значение несовершенного вида “проявляется не как противоположность значению совершенного вида, а как нейтральное отношение к признаку ограниченности действия пределом: действие обозначается безотносительно к его ограниченности или неограниченности пределом” [Русская грамматика

1980: 611]. А. В. Бондарко обращает внимание на то, что значение обобщённого факта связано с определённым кругом глагольной лексики и среди целого ряда глаголов, способных передавать это значение называет, в частности, глаголы *брать*, *давать*, являющиеся синонимами к глаголам *принимать* и *передавать* [Бондарко 1971: 29].

Чтобы сделать нашу интерпретацию значения видо-временной формы глаголов *передаёт* и *принимает* ещё более точной и убедительной следует, кроме “Русской грамматики” (1980) и ранней работы А. В. Бондарко “Вид и время русского глагола” (1971), обратиться к другим, более поздним и специальным работам по аспектологии, а именно к работе А. В. Бондарко “Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии” [Бондарко 2001] и к работе М. Я. Гловинской “Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола” [Гловинская 2001].

В монографии А. В. Бондарко (глава VII указанной выше работы полностью посвящена анализу обобщённо-фактической функции несом. вида и ситуациям обобщённого факта) находим следующие важные для нас замечания (далее цитаты из работы и комментарии к ним).

1. “Необходимо различать два типа обобщённо-фактической функции НСВ (несом. вида. – М.М.) и, соответственно, два типа рассматриваемых аспектуальных ситуаций: 1) обобщённо-событийный – при акценте на самом факте осуществления действия (далее пример, который мы опускаем. – М.М.) и 2) обобщённо-назывной – при обобщённом назывании действия в отвлечении от конкретных особенностей его осуществления, с возможной интерпретацией действия в более общем плане, с элементами обобщения данной конкретной ситуации (далее пример, который мы опускаем. – М.М.)” [Бондарко 2001: 161]. В контексте договора представлен обобщённо-событийный тип значения несовершенного вида глаголов “передаёт” и “принимает”.

2. “Помимо форм прошедшего времени, наиболее характерных для выражения событийного типа ситуаций обобщённого факта, возможно и употребление других форм – сложного будущего времени, инфинитива, повелительного и сослагатель-

ного склонения, настоящего времени (в редких случаях)”. [Бондарко 2001: 162]. Следует заметить, что контексты, анализируемые в работе А. В. Бондарко, взяты в основном из художественной литературы, а в нашем случае видо-временная форма находится в специфических стилистических условиях – в данной (стилистической) области развёрнутый анализ видо-временных форм практически ещё не осуществлялся; одна из попыток была предпринята в монографии очень известного московского исследователя, М. Я. Гловинской.

3. “При передаче ситуаций рассматриваемого типа (ситуаций обобщённого факта. – М.М.) возможно употребление форм настоящего времени, однако при этом обобщённо-фактическая функция НСВ не всегда выражена достаточно явно (но это отнюдь не означает, что она не выражена вообще, просто форма прошедшего времени выражает её более очевидно. – М.М.)” [Бондарко 2001: 164].

В монографии М. Я. Гловинской в главе “Семантика, прагматика и стилистика видо-временных форм: основные классы частных видо-временных значений” выявлено и прокомментировано “настоящее НСВ непосредственно предшествующего действия”, основные черты которого очень похожи на тот вариант обобщённо-событийного типа употребления глаголов *передает* и *принимает*, который и представлен в контексте “Договора займа”. Приведём основные моменты работы.

М. Я. Гловинская начинает с примеров, из которых приведём лишь некоторые, наиболее семантически напоминающие наш тип контекста: “*Врач предписывает мне много гулять; Я беру у вас эту книгу ненадолго; Родители разрешают мне пойти в кино*” (второй пример наиболее показателен, так как в нём употреблён глагол *беру*, синонимичный, причём в данном случае абсолютно синонимичный, глаголу, употреблённому в “Договоре займа”, *принимаю*. – М.М.)” [Гловинская 2001: 192].

“В этих случаях глагол называет событие, которое осуществляется не в момент речи, хотя и употреблена форма настоящего времени, а осуществилось до момента речи (уже... взял... и т.д.), причём близко к нему или непосредственно перед ним, так что между данным событием и моментом речи не было другого, отменяющего события, и поэтому в момент речи ре-

зультат этого действия остаётся в силе. Сам момент осуществления действия остаётся неопределённым.

Выражение ‘близко к моменту речи’ и ‘непосредственно предшествующее действие’ обозначают именно отсутствие промежуточного отменяющего события, а не обязательно физическую близость к моменту речи. В различных ситуациях реальный интервал между событием и моментом речи может быть различным, ср.: *Нас приглашают к столу* и *Нас приглашают погостить в деревне*. В первом случае время сохранения результата приглашения и тем самым время, в течение которого может быть употреблена форма настоящего времени НСВ меньше, чем во втором. Но языковое значение здесь одно и то же.

Фразы с этими формами допускают замену парными формами СВ (предложил, позвала)” [Гловинская 2001: 192].

Это очень важное замечание М. Я. Гловинской, так как в нашем случае фразы *Займодавец Иванова И. И. передаёт Петрову П. П. денежный заём в сумме два миллиона рублей до 02 сентября 2005 года* и *Заёмщик Петров П. П. принимает денежный заём в сумме два миллиона рублей до 02 сентября 2005 года* также допускают замену форм НСВ – *передаёт, принимает* – формами СВ – *передала, принял*.

Далее М. Я. Гловинская замечает следующее: “В данном значении, по сравнению с главным значением СВ в прошедшем времени, особо подчёркивается актуальность результата действия в момент речи” [Гловинская 2001: 192]. Кроме того, М. Я. Гловинская намечает (именно намечает! – М.М.) и стилистические границы употребления данной видо-временной формы: “Стилистически-функциональное употребление данной формы в основном ограничено диалогами разного типа... и различного рода информационными жанрами” (для нашего случая это опять-таки показательно, т.к. в жанровых рамках договора актуальны как функция волеизъявления (обязательства сторон), так и функция информационно-констатирующая). “Форма НСВ настоящего, – продолжает исследовательница, – в этом значении может быть употреблена в течение того времени, пока сохраняется в силе актуальность результата действия” [Гловинская 2001: 193].

Ещё одно необходимое пояснение. Глаголы *передает* и *принимает* семантически согласуются в контексте с существительными *займодавец (передает)* и *заёмщик (принимает)* и употреблены в прямом значении, а именно глагол ***передает*** употреблён в одном из следующих значений: см. ***передать***: “1. *кого-что*. Отдать, вручить из своих рук что-л. кому-л.; 2. *кого-что*. Отдать что-л. в полное распоряжение, владение другому” [Современный толковый словарь русского языка 2001: 506]; глагол ***принимает*** употреблён в одном из следующих значений: см. ***принять***: “1. *кого-что*. Взять из рук у того, кто даёт, отдаёт. 2. *что*. Взять то, что дают для каких-л. целей, действий” [Современный толковый словарь русского языка 2001: 614]. Контекст в данном случае позволяет усмотреть оба значения данных глаголов.

Необходимо обратить внимание на то, что лексические значения указанных глаголов, данные в толковом словаре под номером один “1. Отдать, вручить из своих рук что-л. кому-л.” (в нашем случае *отдавать, вручать из своих рук что-л. кому-л.*) и “1. Взять из рук у того, кто даёт, отдаёт” (в нашем случае *брать из рук того, кто даёт, отдаёт*), лишают возможности интерпретировать значение несовершенного вида данных глаголов как актуально-длительное, или, иначе, конкретно-процессное, т.е. лишают возможности понять предложения под пунктами 1 и 2 как действия осуществляющиеся (длящиеся) до 02 сентября 2005. Так, можно себе представить как актуально-длительные, но так и не осуществившиеся действия *строить, писать* и другие подобные, см. логически допустимые контексты: *Строил пять лет, но так и не достроил; Писал-писал роман, да так и не написал*, но невозможно, в силу сопротивления лексического значения глаголов, представить себе как актуально-длительные и при этом не осуществившиеся, безрезультатные действия *давал, брал, передавал, принимал* и другие подобные, см. логически ущербные контексты типа: **Давал пять лет, но так и не дал; Передавал-передавал, да так и не передал*. Ю. С. Маслов глаголы подобного типа (*давать/дать*) не случайно называет глаголами “непосредственного, непрерывного эффекта”, поскольку они обозначают такие действия, которые, даже будучи взяты в сколь угодно краткий момент своего про-

текания, не могут мыслиться как оставшиеся “неэффективными”, безуспешными [Маслов 1984: 62].

Учитывая всё изложенное выше, особенно комментарии М. Я. Гловинской, нельзя согласиться с выводами экспертов о том, что глаголы *передает* и *принимает* “только подтверждают достижение определенных условий этих договоров”. Данные глаголы не только подтверждают достижение определенных условий договоров, но и констатируют факт передачи и приема денег, который (и в этом эксперты правы) осуществился не в момент подписания договора (тогда нужно было бы использовать настоящее актуальное время несовершенного вида, что в условиях данного типа контекста очень проблематично сделать), а, как совершенно справедливо указывает М. Я. Гловинская, до момента подписания (уже передал, принял), причём близко к нему или непосредственно перед ним, так что между данным событием и моментом подписания не было другого, отменяющего события, и поэтому в момент подписания результат этого действия остаётся в силе, при этом сам момент осуществления действия остаётся неопределённым.

Список литературы

1. Бондарко А. В. Вид и время русского глагола. М., 1971.
2. Бондарко А. В. Проблемы грамматической семантики и русской аспектологии. СПб., 1996.
3. Бондарко А. В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии. М., 2001.
4. Власенко Н. А. Язык права. Иркутск, 1997.
5. Гловинская М. Я. Многозначность и синонимия в видо-временной системе русского глагола. М., 2001.
6. Грязин И. Н. Методологические основы теории толкования правовых текстов. М., 1979.
7. Губаева Т. В. Словесность в юриспруденции. Казань, 1995.
8. Ивакина Н. Н. Профессиональная речь юриста. М., 1997.
9. Кожина М. Н. Стилистика русского языка. М., 1983.

10. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.
11. Маслов Ю. С. Очерки по аспектологии. Л., 1984.
12. Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М., 1985.
13. Русская грамматика. Т. 1. М., 1980.
14. Сенкевич М. П. Стилистика научной речи и литературное редактирование научных произведений. М., 1976.
15. Словарь русского языка в четырёх томах. Т. 4. М., 1988.
16. Современный толковый словарь русского языка. СПб., 2001.
17. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка. Т. 1. М., 2001.
18. Черданцев А. Ф. Логико-языковые феномены в праве, юридической науке и практике. Екатеринбург, 1993.

Н. И. Чиркова
ЛИНГВИСТИЧЕСКАЯ ЭКСПЕРТИЗА
ВЫРАЖЕНИЯ ОЦЕНКИ СОБЫТИЯ

При выполнении лингвистической экспертизы приходится учитывать, что в постановке вопроса эксперту используются слова в общеупотребительном значении, которое может расходиться со специальным - терминологическим. Так, в одном из случаев на рассмотрение эксперта был поставлен следующий вопрос (цитируется с опущением и изменением собственных имен): *носит ли фраза "... он когда-то был лидером движения [...], но видимо работу он развалил, так как партия [...] не считала возможным продлить полномочия NN, хотя все остальные председатели районных, скажем так, первичных организаций, свои посты сохранили"* утвердительный или предположительный характер? С точки зрения толкования основных значений слов *утвердительный* и *предположительный*, поставленный вопрос можно трактовать как касающийся прежде всего личностной стороны оценки сообщаемого факта: *утвердительный* - "выражающий согласие с чем-либо, подтверждающий что-

либо”, *утверждать* - “подтверждать, признавать что-либо; свидетельствовать о чем-либо”; *предположение* - “предварительное суждение о чем-либо; догадка” [Словарь русского языка. Т. 3: 369; Словарь русского языка. Т. 4: 530-531].

Оценка сообщаемого является составной частью одной из основных категорий языка - модальности как “широкого круга явлений, неоднородных по смысловому объему, грамматическим свойствам и степени оформленности на разных уровнях языковой системы” [Лингвистический энциклопедический словарь: 303]. Таким образом, при толковании содержания предложения приходится выявлять целый ряд накладывающихся друг на друга разнообразных модальных значений. С точки зрения терминологической “утвердительность” и “предположительная” не рассматриваются в грамматике как противопоставленные друг другу; это значения, входящие в разные сферы модальных категорий. Поэтому в экспертизе приходится останавливаться и на тех аспектах модальности, которые, по предположению эксперта, в наибольшей степени отражают содержание слов, употребленных в вопросе суда, и на тех, которые формально ориентированы на употребление в вопросе эксперту слов, совпадающих с известными грамматическими терминами.

Модальность является основной категорией простого предложения. Каждая предикативная часть сложного предложения, в том числе и части анализируемой фразы, могут иметь разные модальные значения, и общее значение сложного предложения не всегда можно определить, в соответствии с запросом суда, как простую сумму конкретных значений. В данном случае пришлось анализировать грамматические значения каждой предикативной части отдельно, хотя подразумевалось, что наибольший интерес для суда имеет вторая часть “... *видимо, работу он развалил...*”, которую можно было бы трактовать как порочащие сведения.

Базовым для характеристики содержания предложения считается противопоставление реальности/ирреальности события. Значение реальности - это представление говорящего о событии, существующем в действительности и обязательно соотношенном с прошедшим, настоящим или будущим временем. Это значение противопоставлено значению ирреальности, при

котором событие мыслится как желаемое, должное, требуемое. [Русская грамматика: 86]: например, реальное событие в прошедшем или будущем *Написал письмо матери; Напишу письмо матери* противопоставляется ирреальному *Написал бы письмо матери; Напиши письмо матери*. В этом плане события противопоставляются не только как существующие/не существующие в действительности с точки зрения говорящего, но и, в первую очередь, как существующие/желательные, возможные и т.д.

Достаточно сложным для понимания нелингвиста моментом оказывается то, что все предикативные части анализируемой фразы имеют значение реальности - используемые в них глаголы прошедшего времени называют события, отнесенные в сферу прошедшего времени, т.е. говорящий считает, что события можно соотносить со сферой реальной действительности, но на данное значение накладывается другое модальное значение достоверности/недостоверности - определяемая говорящим степень соответствия содержания предложения действительности. Высказываясь о событии как существующем в действительности (рассмотренное выше значение реальности), говорящий одновременно оценивает полноту своих знаний о действительности, считая их достаточными или недостаточными [Теория функциональной грамматики 1990: 157]. Констатирующими достоверность, т.е. соответствие действительности, являются первая, третья и четвертая части анализируемой фразы (здесь высказывание не имеет специальных грамматических показателей, т.е. рассматривается как "имплицитно достоверные" [Теория функциональной грамматики 1990: 157]). Если говорящий не имеет достаточных оснований для утверждения о соответствии содержания высказывания действительности, то он представляет ситуацию либо как предположение, либо как результат размышления и вывода, либо как факт чужого опыта и пр. Вторая часть анализируемой фразы включает специальное средство выражения недостоверности - вводное слово *видимо* (отметим, что при цитировании вопроса к эксперту сохранена пунктуация определения суда; по действующим правилам правописания слово *видимо* должно быть выделено запятыми). Наличие данного вводного слова связывается в грамматике с выражением оценки события как в высокой степени вероятного [Теория

функциональной грамматики 1990: 165]. В последующей части текста представлена информационная база - “косвенная информация, не позволяющая утверждать, что содержание пропозиции соответствует действительности, но на основании которой говорящий может путем логического рассуждения сделать оценку ее вероятности” [Теория функциональной грамматики 1990: 162]). Грамматика отмечает, что “информационная база может быть очень мала, однако она расценивается говорящим как достаточная для того, чтобы сформулировать гипотезу” [Теория функциональной грамматики 1990: 164]; таким образом, с точки зрения лингвистической говорящий получает право интерпретации события, тем более что значение достоверности предполагает и возможность противоположного вывода, т.е. не отмечает высказываемое сообщение как единственно вероятное.

Кроме названных значений, необходимо еще отметить значение утвердительности, которое в грамматике противопоставлено значению отрицательности и отражает наличие/отсутствие связей между предметами, признаками, объектами, о которых идет речь в предложении. Отрицание выражается специальными средствами - отрицательными словами. С этой точки зрения только третья часть анализируемой фразы является отрицательной (говорящий отрицает наличие связи между *партией* и *возможностью продлить полномочия*), остальные части фразы имеют значение утвердительности.

Таким образом, в анализируемой фразе переданы события, по отношению к которым говорящий высказывает разное отношение. Именно при передаче второго события в оценке говорящего соединяются отнесение к реальной действительности, утверждение, но только сделанное в виде умозаключения, выведенного говорящим на основании реальных событий и оцениваемого им как в высокой степени вероятного. Таким образом, прямой ответ на поставленный судом вопрос оказывается невозможным - содержание предложения оказывается более сложным.

Список литературы

1. Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990.

2. Русская грамматика. М., 1980.
3. Словарь русского языка. В 4-х тт. 3-е изд. М., 1985-1988.
4. Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Л., 1990.

РУССКАЯ РЕЧЬ В УДМУРТИИ
Межвузовский сборник статей

Подписано в печать . Формат 60x84 1/16.

Усл. печ. л. . Уч.-изд. л. .

Тираж 100 экз. Заказ №

Типография

ГОУВПО “Удмуртский государственный университет”
426034, г. Ижевск, ул. Университетская, 1, корп. 4.